

«МАЛЫЙ БИБЛИОГРАФ»
В ы п у с к № 2 2

Александр Скобов
**СМЕЕШЬ ВЫЙТИ
НА ПЛОЩАДЬ?..**

Сборник статей
(2007–2017)

Издание Ассоциации
«Русский Институт в Париже»

2017

*Ассоциацией «Русский Институт в Париже»
в серии «Малый Библиограф» изданы следующие сборники:*

- 2014 – Вып. 1 – «А вокруг ничего, никого»
(Год 125-летия со дня рождения Анны Ахматовой)
Вып. 2 – Без медиа в голове (Ни прогресса, ни традиции)
- 2015 – Вып. 3 – «Последние да будут первыми»
(К выходу в свет завершающего тома Сочинений Лидии Чуковской)
Вып. 4 – «Но дом не хочет больше пустовать»
(К 75-летию со дня рождения Иосифа Бродского)
Вып. 5 – «Такая теперь тишина»
(К 50-летию последнего приезда Анны Ахматовой в Париж)
Вып. 6 – Биографический словарь сборников «Память»
(Рабочие материалы)
Вып. 7 – Материалы двух *Круглых столов* в Париже и Одессе,
19.09.2015 & 10.10.2015 (К 40-летию создания
Исторических сборников «Память»)
Вып. 8 – *Андрей Чернов*. Из книги «Сын Империи»
(Тетрадь стихов на *Круглый стол* в Одессе, 10–11.10.2015)
Вып. 9 – *Сергей Стратановский*. Из давнего и нового
(Тетрадь стихов на *Круглый стол* в Одессе, 10–11.10.2015)
Вып. 10 – Тексты, доклады и дискуссия на двух *Круглых столах*
в Париже и Одессе, 19.09.2015 & 10.10.2015
(К 40-летию создания Исторических сборников «Память»), Часть I
Вып. 11 – *To же*, Часть II
Вып. 12 – *To же*, Часть III

(Окончание перечня см. на стр. 3 обложки)

* * *

Заказы направлять по адресу:

Institut Russe de Paris
c/o Serge Dedulin – 55, av. d'Ivry, 75013 Paris, France
(e-mail: inrusseparis@yahoo.fr)

*Издатель выражает надежду,
что заинтересованные лица – участники событий и коллеги-исследователи –
не замедлят присыпать авторам и составителям наших сборников
свои замечания и поправки*

Выпуск 22 в серии «Малый Библиограф»:

Александр Скобов

*Смеешь выйти на площадь?..
Сборник статей (2007–2017)
Издатель С.Д. / *Editeur S.D.*
(e-mail: inrusseparis@yahoo.fr)*

*Издание Ассоциации «Русский Институт в Париже» / © Institut Russe de Paris, 2017
Верстка 3F SARL (e-mail: fffanya@free.fr)*

«МАЛЫЙ БИБЛИОГРАФ»

В ы п у с к № 2 2

Александр Скобов
СМЕЕШЬ ВЫЙТИ
НА ПЛОЩАДЬ?..

Сборник статей
(2007–2017)

Издание Ассоциации
«Русский Институт в Париже»

2017

ИСТОРИЯ РОССИИ ЭТО ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ ЭТО ИСТОРИЯ МИРА

ИСТОРИЯ ПРОШЛОГО ЭТО ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО

От издателя

**В серии выпусков «Малого Библиографа», приуроченной к 100-летию Революции 1917 года в России, мы предлагаем читателю краткое избранное из наиболее содержательных статей последнего времени, написанных одним из самых приметных и одаренных публицистов нынешней эпохи
Александром Скобовым.**

Это имя стало известно читателям наших сборников по развернутому отзыву на одну из его предыдущих книг, учебное пособие по истории России (Вып. 14, 2016).

Избранное Александра Скобова состоит из двух сборников: изданного в начале этого года томика «Война миров» (Вып. 20) и настоящей тетради «Смеешь выйти на площадь?..» (Вып. 22), издание которого приурочено ко дню 60-летия автора (4 ноября 2017).

С.Д., Париж

СОГЛАСИТЬСЯ – ПРОПАСТЬ

15 апреля 2007 года. «Марш несогласных» в Петербурге. Вернее, санкционированный властями митинг оппозиции у ТЮЗа. Небольшая площадь, разгороженная металлическими турникетами на несколько секторов. В середине загон, в котором теснится примерно тысяча человек (столько было заявлено организаторами митинга). Вокруг, за первым ограждением, пустая «нейтральная полоса», «запретка», как на зоне. За вторым рядом ограждения – шеренги внутренних войск, ОМОНа, еще каких-то спецподразделений. В серо-голубом камуфляже, в защитном камуфляже, просто в черном. Со щитами, в бронежилетах, в шлемах с забралами. Их чуть ли не больше, чем митингующих.

Вдоль Загородного проспекта, на который выходит площадь, – глухая стена из вплотную пригнанных друг к другу автобусов и грузовиков. Она тянется далеко влево и вправо от площади. Движение по проспекту полностью перекрыто. Попасть на площадь можно лишь по узкому коридору от станции метро «Пушкинская» через несколько кабинок с металлоискателями, как в аэропорту. В небе барражирует милиционский вертолет. Периодически он зависает над митингующими почти что на уровне окрестных зданий, глуша своим мотором все, что говорится на площади. В районе митинга блокирована мобильная связь...

Это не напоминало широкомасштабную военную операцию, как часто приходится слышать. Это и была самая настоящая широкомасштабная военная операция. Невозможно было более ярко и откровенно продемонстрировать, что нынешняя власть находится в состоянии открытой войны с российским обществом. А на войне как на войне. Тут необходимо анализировать действия противника, просчитывать его вероятные маневры, а для этого надо знать его мотивы, задачи, которые он ставит, понимать его логику.

С «оперативно-тактической» точки зрения все эти загородки, узкие коридоры, металлоискатели, ряды автобусов и омоновцев преследовали две вполне конкретные цели. Во-первых, максимально уменьшить численность потенциальных участников митинга, затруднив доступ на площадь и создав на ней и вокруг нее гнетущее ощущение опасности, «мешка», ловушки, в который народ загнали, изолировали и теперь смогут сделать с ним что захотят. Чтобы преодолеть все эти материальные и психологические барьеры, надо было проявить немалое упорство в стремлении во что бы то ни стало принять участие в митинге.

Во-вторых, исключить прорыв митингующих на какую-либо из городских магистралей. Шествия потому так и цепны для оппозиции, что они, как действие активное, намного притягательнее митингов. Они имеют тенденцию к самовозрастанию в ходе движения, вовлекая в свои ряды сочувствующих из числа случайно оказавшихся рядом прохожих. Все это понятно и, по большому счету, не так интересно, ибо не помогает ответить на вопрос об «их» мотивах.

Большинство оппозиционных наблюдателей сходится на том, что власть сама себя запугала созданным ею же призраком «оранжевой революции», сама себя довела до истерики, пребывает в панике и действует неадекватно. Ведь она очевидно проигрывает морально-политически, дискредитирует себя, увеличивает число своих противников, ра-

дикализирует оппозицию, заставляет и сравнительно лояльных людей возмутиться. Она сама толкает страну к революции.

Основания для «нервности» у властей, конечно, есть. Система, в которой заблокированы каналы влияния общества на власть, а впечатление «стабильности» создается при помощи виртуальных суррогатов полнокровной общественно-политической жизни, картонных декораций, – такая система ненадежна. В ней невозможно предусмотреть, где, когда и с чего ее прорвет. Но из этого часто делается вывод, представляющийся мне упрощенным: власть действует во вред себе, ее действия нельзя объяснить с точки зрения нормальной логики и здравого смысла. Появилась даже несколько «конспирологическая» версия: одна из борющихся за власть околокремлевских группировок намеренно провоцирует обострение политической ситуации.

Но давайте подойдем к вопросу с другой стороны: а нет ли у нашей «политической элиты» каких-то целей, ради достижения которых она сознательно готова идти на известные морально-политические потери и связанные с этим риски? За какую такую «господствующую высотку» идут ожесточенные бои между властью и радикальной оппозицией в последние месяцы?

Борьба идет прежде всего по вопросу о применении закона о митингах и шествиях. И дело здесь не только в том, что власть стремится лишить оппозицию возможности проводить шествия, так как шествия – это более мощное оружие, чем «стационарный» митинг, и поэтому его надо выбить из рук противника. Власть пытается утвердить порядок, при котором она будет произвольно решать, в какой форме давать гражданам возможность выражать свои политические устремления. Вы хотите шествие, а мы вам разрешим только митинг.

Между тем в законе записано обратное. Там записано, что если заявлено шествие, а власти не находят возможным провести его по намеченному организаторами маршруту, они обязаны предложить организаторам другой маршрут. Маршрут для шествия, а не площадку для стояния. Но власти считают, что они ничего никому не обязаны. Что записано в законе, неважно. Важнее, что скажет заместитель фюрера по партии. А он уже сказал, что улицы российских городов не место для политических демонстраций. Завтра он еще скажет, что площади российских городов не место для политических митингов. Говорил же он, что парламент не место для дискуссии.

Итак, власть ведет вполне осознанную и целенаправленную борьбу за свое кровное право вообще не подчиняться закону, а действовать исходя из целесообразности (целесообразности для себя, разумеется). Путинский режим последовательно выстраивает систему, в которой Его Величество Государство будет отпускать гражданам порции гражданских прав по рецепту. При этом оно же будет решать, какой группе граждан какую дозу выписывать.

«Идеологически близким» (например, дuginским «евразийцам») можно побольше. А вот «Другая Россия» перебьется... Граждане же будут понуро стоять в очереди за своей пайкой свободы в разгороженном турникетами пространстве и подходить к окошечку выдачи строем между рядами конвоя. А чтобы они не заблудились в запутанном лабиринте узких проходов, на то омоновские дубинки. Они должны знать, что по законам того социума, в котором они живут, шаг в сторону рассматривается как попытка к побегу.

Это еще не тоталитаризм. При тоталитаризме политические права и свободы не предусматриваются вообще, даже по рецепту. Это называется Полицейское Государство. Оно и явилось к нам во всей своей красе на площади у ТЮЗа в Петербурге. Правда, наши начальники уже обогатили новоречь путинского режима новым словосочетанием для обозначения такой системы. К «суверенной демократии» добавилось «эффективное правовое государство». Теперь это так называется.

Так что мы имеем дело не с беспорядочными и истерическими метаниями впавшей в паранойю власти, а с последовательной реализацией, как сейчас модно говорить, нацпроекта. Причем главного нацпроекта правящей элиты. Он состоит в превращении России в Большую Зону, над воротами которой красуется издевательская вывеска с надписью «эффективное правовое государство».

И происходящее сейчас вокруг «маршей несогласных» – это не импульсивная реакция властей на конкретную «разовую» угрозу, не тактические бои местного значения. Это стратегическое сражение за установление долговременных правил игры. Режим стремится к тому, чтобы запреты общественно-политических мероприятий превратились в повседневность, в «бытовое явление», и стали восприниматься как норма жизни.

То же относится и к избиениям. Казалось бы, зачем жестоко бить дубинками при задержаниях в большинстве своем не сопротивляющихся людей? Ведь в этом нет никакой «военно-технической» необходимости, даже с точки зрения поставленной задачи «задержать». И ни один вменяемый милицейский начальник такого прямого указания не даст, ведь он-то прекрасно понимает, что за это можно и в тюрьму попасть. Но и рядовой боец не станет так подставляться, если ему не намекнут достаточно прозрачно на инструктаже, чего от него хочет высокое начальство. Если это начальство не будет после каждого такого случая важно заявлять для прессы: все было по закону. Путем систематического унижения общества власти добиваются потери гражданами чувства собственного достоинства.

И настолько же, насколько для властей важно заставить общество смириться с навязываемыми ими правилами, оппозиции важно продемонстрировать властям, что как раз эта цель ими и не достигается. Только это может убедить режим в том, что издержки не окупаются, и заставить отступить. Исход сражения будет зависеть от того, насколько масштабным окажется гражданское неповинование уже доходящим до маразма запретам, например, попытками запретить публичное упоминание Национал-большевистской партии. Это ведь тоже дело принципа: может ли власть запрещать гражданам произносить какие-то названия, потом имена, потом дойдет дело до упоминания каких-то событий...

И повторю еще раз то, о чем я уже говорил: сегодня как никогда нам всем необходима солидарность. Невзирая на все имеющиеся расхождения, на то, что кто-то кому-то просто не нравится. Иначе мы все окажемся в таком же «мешке», как у питерского ТЮЗа, и неизвестно, сколько времени и с какими потерями нам придется из него вырываться.

grani.ru, 18.04.2007

2009

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

Это эксклюзив. Новогодний. Потому что только под Новый год не зазорно мечтать и фантазировать, рассказывать сказки даже вполне взрослым людям. Можно, конечно, меланхолично рассуждать о том, что за революцией всегда следует реакция, за реформами – контреформы. Можно проводить аналогии с эпохой Александра III и успокаивать себя тем, что ведь это не было полностью потерянное для России время: развитие шло, несмотря на «подмораживание». Можно утверждать, что в России никогда не было и нет ничего, кроме вертикали, что это якобы медицинский факт. Диагноз. Приговор. Можно вздыхать об упущеных возможностях нулевых. Но не под Новый год. В десятые все будет иначе.

В десятые произойдут фундаментальные сдвиги в российской оппозиции. Политические, идеологические, а главное – моральные. Либералы перестанут оправдывать необходимостью продолжения рыночных реформ бонапартистский переворот 1993 года и воровскую приватизацию. Коммунисты перестанут оправдывать интересами классовой борьбы террор и репрессии против инакомыслящих. Патриоты-державники перестанут оправдывать национальными интересами насилие над целыми народами, будь то бархатная «нормализация» в Чехословакии или кровавое «восстановление конституционного порядка» в Чечне. Все они совершают один и тот же духовный подвиг: перестанут оправдывать мерзость идеологически мотивированной политической целесообразностью. И тогда увидят, что все они – граждане одной страны. Один народ. И научатся действовать сообща. И совершенно мирно посадят нынешнюю правящую элиту на большой воровской пароход (или «русский Ковчег») и отправят ее в Тихий Океан в направлении Республики Науры.

Но начнут они с того, что поддержат по-настоящему донкихотские усилия очень по-жилой либеральной правозащитницы и тоже уже немолодого писателя – революционного националиста. В самом хорошем смысле донкихотские. Усилия, направленные на то, чтобы вынудить власть соблюдать хотя бы один-единственный собственный закон. Между прочим, нужный нам всем в равной степени. Хотя бы в одном-единственном отдельно взятом месте города Москвы.

И вместе они заставят зарвавшуюся, оборзевшую, подлую власть отступить. Не перед оппозицией, а перед законом. Потому что никаких законных оснований постоянно отказывать в праве на митинг в этом конкретном месте у властей нет. И делают они это исключительно ради принципа. Чтобы показать, кто в доме хозяин. Чтобы унизить. Ну и чтобы не дать оппозиции обзавестись новым символом. Желание понятное, но только по закону служить основанием для отказа оно не может. Это очевидно любому честному человеку, независимо от того, левый он или правый, системный или внесистемный.

Поэтому поддержат эти усилия не только непримиримые радикалы. На Триумфальную площадь выйдут солидные и респектабельные лидеры партий полусистемной оппозиции и системной полуоппозиции. Не погибаются соседством с невписавшимися лузерами. Даже члены ЗАО «Три толстяка»¹ сделают исключение из своего правила ни с кем рядом не стоять, не садиться и не ложиться по принципиальным идеяным, тактическим и эстетическим соображениям. Приковыляют депутаты Государственной думы, с

которыми после недавних «выборов» произошло духовное перерождение и возрождение. Приводя власти в полное замешательство, придут люди с положением, известные всей стране. Члены Общественной палаты и Совета при президенте по делам гражданского общества. И этим поставят точку в извечном споре о допустимых пределах сотрудничества с авторитарной властью. О том, можно ли оставаться порядочными людьми, работая в созданных ею декоративных структурах. На практике покажут, где грань между «теорией малых дел» и коллаборационизмом.

А действительно интересно, уволили бы их за участие в митинге на Триумфальной или нет? Или этого участия хватило бы, чтобы рука с дубинкой, занесенная для удара, остановилась?

С Новым вас 2010-м годом, господа-товарищи-граждане!

grani.ru, 31.12.2009

¹ Имеется в виду партия «Яблоко», которую ее оппоненты неоднократно упрекали в том, что ее «руководящая тройка» Явлинский-Митрохин-Иваненко превратили партию в свое частное предприятие и намеренно препятствуют ее сближению с другими оппозиционными силами.

БЕСПЛОЩАДНЫ К ВРАГАМ

Администрация мужа Батуриной спровоцировала в Москве очередное побоище. На этот раз – на мероприятиях, посвященных памяти убитых год назад Станислава Маркелова и Анастасии Бабуро́вой.

События развивались по схеме, ставшей уже привычной. Сначала в согласовании каких бы то ни было публичных акций вообще отказали под надуманным предлогом. Потом власти смягчились и вместо заявленных шествия и митинга разрешили два пикета, с одного из которых можно будет пройти на другой, но без формальной атрибутики шествия. Организаторы мероприятий, желавшие провести их мирно и спокойно, не подставляя людей под дубинки, на эти условия согласились. Пошли, что называется, на гнилой компромисс с режимом.

Закон предписывает властям обеспечивать условия для реализации конституционных прав граждан на мирные собрания и шествия. вне зависимости от их взглядов, пристрастий и политической ориентации. Власти действуют прямо противоположным образом: изобретают всевозможные способы воспрепятствования реализации конституционных прав теми гражданами, которых они считают своими политическими врагами. То есть представители властей регулярно совершают преступление, предусмотренное статьей действующего УК. Это не новость. И ради того, чтобы еще раз констатировать этот медицинский факт, не стоило бы браться за перо.

Не является новостью и то, что именно таких людей, как Маркелов и Бабурова, нынешняя власть не без оснований относит к своим врагам, а потому любое общественно значимое напоминание о них считает нежелательным и вредным. Всем также давно известно, что организаторы акции 19 января для властей и подавно враги. А потому нужно если и не запретить вовсе эту акцию, то хотя бы «понизить» ее формат (с шествия до митинга, с митинга до пикета). Или произвольно изменить место сбора. Лишь бы максимально изолировать оппозиционеров от остального общества. Ведь понятно же, что публичные акции проводятся не ради самовыражения их организаторов, а ради обращения к обществу. А потому – максимально сузим рамки мероприятия ограждениями и оцеплениями и будем пропускать через них небольшими группами по 50 человек без плакатов и лозунгов.

Что же было нового в событиях 19 января? А новым было то, что на акцию пришло неожиданно много людей. То, что эти люди будут глубоко оскорблены условиями, в которые их поставила администрация, будут испытывать унижение и возмущение, все это было очевидно. Их просто должно было набраться достаточное количество для того, чтобы прорвать оцепление. После чего власти могли удовлетворенно заявить, что участники акции сами нарушили достигнутые договоренности и милиции не оставалось ничего иного, как применить силу.

Каким образом «сотрудники правоохранительных органов» применяют силу при разгоне публичных акций, как хватают людей, валят, волокут по земле, бьют – отдельный разговор. «Как всегда, в рамках закона», – прокомментировала 31 декабря действия милиции одна дама из так называемой партии «Единая Россия». Законы действительно детально регламентируют применение работниками милиции силы, в том числе и

с помощью «спецсредств» (например, резиновых дубинок). Если есть основания для задержания (цифра «31» на одежде?), если задерживаемый оказывает активное сопротивление и задержать его иначе не представляется возможным, если он создает угрозу жизни и здоровью сотрудника правоохранительных органов (бронированному киборгу из ОМОНа)...

В подавляющем большинстве случаев разгона публичных акций последних лет применение силы при задержании (да и после задержания) было демонстративно неадекватным и преследовало единственную цель – застрашать. То есть эту цель преследовали те, кто действия милиции направлял. Те же, кто эти действия непосредственно совершает, руководствуются простейшими рефлексами. Но чтобы эти рефлексы работали безотказно, их надо целенаправленно культивировать. Омоновских боевиков надо натаскивать, внушать им, что перед ними враги, которых нужно бить.

Надо ли объяснять, какие ответные чувства будет испытывать человек, которого размазали по асфальту вместе со всеми его конституционными правами и который знает: судья все равно скажет «а я не вижу», даже если ему будет представлена видеозапись. Просто ее не приобщит. Как всегда, в рамках закона. Я это к тому, что действия властей напрямую подпадают под статью о разжигании вражды и ненависти между социальными группами.

Конечно, 282-ю статью надо отменять. Или после нашумевшего экспериментного заключения о том, что лозунг «Долой самодержавие и престолонаследие» является призывом к насильственному свержению существующего строя, у кого-то еще остались на сей счет иллюзии? Но точно так же, как для наказания убийц на национальной почве достаточно статьи об убийстве, для привлечения к ответственности представителей власти за их художества с митингами достаточно других законодательных норм. Например, о провоцировании массовых беспорядков.

Сегодня произвол и насилие властей в отношении оппозиционеров не вызывают массового возмущения в обществе. Не из-за низкого правосознания, как часто полагают. Не из-за пресловутого патерналистского стереотипа: власть, уважающая права оппозиции, – не власть. Обыватель в большинстве своем не любит «несогласных», так же как он не любил во времена застоя диссидентов. Не потому, что воспринимал всерьез пропагандистскую трескотню о «крайних» американского империализма». Просто впервые за десятилетия страшных катализмов люди наслаждались относительно спокойным существованием и радовались жизни. Правда, чтобы пользоваться ее благами, частенько приходилось лицемерить и подличать, но уже «в пределах разумного». Диссиденты же воспринимались как люди, которые «хотят испортить нам праздник», и этим раздражали. Они, значит, такие честные, а мы тогда кто? Но в какой-то момент власть всех достала настолько, что диссиденты вдруг стали популярны.

То же и сейчас. В какой-то момент нелюбовь к «ментам» окажется сильнее нелюбви к «несогласным». Оснований для этого более чем достаточно. В конце концов, масштабы милиционского насилия над гражданами на «бытовой» почве по стране куда больше масштабов насилия политического.

Развязав по сути дела войну против оппозиции, режим создал вооруженную до зубов машину, созданную, запрограммированную на насилие над гражданами. И он продолжает нагнетать атмосферу противостояния и взаимного ожесточения. Если эта линия не будет изменена, она неизбежно приведет к тяжелым и трагическим последствиям.

И если эти последствия наступят, ответственность за них ляжет не только на «режим». Ее разделят и те представители привилегированной «общественности», которые не используют все свои высокие статусы, должности и связанные с ними права на то, чтобы звонить во все колокола, заявлять, обращаться, делать запросы, проводить про-

верки, чтобы заставить власть остановиться. Если все же эти люди готовы рискнуть своим положением ради прекращения опасного противостояния, они могут сделать это прямо сейчас. До 31 января.

grani.ru, 22.01.2010

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Был на Триумфальной площади. Тактика милиции – рассечь участников акции оцеплениями на множество небольших, изолированных друг от друга групп по 50. Эти группы зажимали между цепочками милиционеров и начинали теснить, призывая проходить в метро, но одновременно не давая пройти, что создавало невероятную давку. Я оказался в одной из таких групп и видел не очень много: возможности обзора были крайне ограничены. Один раз видел, как человека повалили на землю и милиционер с чувством пнул его ногой. Но в остальных случаях просто быстро тащили под руки к автобусам. Когда потащили меня, руку заломили за спину, хотя и не сильно. Скорее символически. Я сказал заломившему, что надо сильнее, но он обиделся: «Не надо. Мы и так стараемся с вами как можно легче».

Автобус набили под завязку. Человек 30 было. Половина стояла. Долго везли в ОВД Арбатское. Мне показалось, что кругами. Злобы и агрессии в тех, кто нас сопровождал, я не заметил. Они всячески подчеркивали, что не они нас задерживали. А только сопровождают, и все претензии – не к ним. Примерно то же говорили нам работники отделения: они только документы оформляют. Были вежливы, даже любезны. Сами предложили всем для ускорения процесса оформления отказаться от показаний по 51-й статье Конституции.

Рапорты о задержании были типовые. Оказывается, омоновцы, которые нас задерживали и видели нас мельком в полутьме, точно знали, какого из нас зовут, и ни разу потом на нас не взглянув, подробно написали, кто из нас чего делал. Из рапорта о своем задержании я узнал, что я участвовал в митинге, выкрикивая «Россия без Путина!», на неоднократные требования сотрудников милиции прекратить свои действия не реагировал и «продолжал свое участие в митинге». Последняя фраза особенно запомнилась. Она хоть в какой-то степени правдива.

Разумеется, в той невероятной давке, которую устроила у прохода к метро милиция, не было никакой возможности ни разобраться, кто что кричит, ни к кому-либо обратиться с каким бы то ни было требованием. Но и возможности «прекратить свое участие в митинге» тоже не было никакой. Просто никуда было не двинуться. А ведь я действительно пришел участвовать в митинге. Вот так и участвовал, зажатый между цепочками милиционеров.

А еще я подумал, что идет война нервов. И если у оппозиции хватит нервов и « заводки» продолжать приходить на эту площадь во все большем количестве несмотря на все задержания (тоже во все большем количестве), власти рано или поздно отступят.

grani.ru, 01.02.2010

МЫ РАСТОПИМ ЭТОТ ЛЕД

Воскресные «зимние забавы» на Триумфальной окончательно показали: так называемая «Стратегия-31» оказалась вполне успешной. Ее авторам действительно удалось заложить основу некоей новой традиции, которая начинает жить своей жизнью. Верен был выбор «болевой точки» режима. Антиконституционная подмена уведомительного порядка проведения публичных акций разрешительным, возможность запрещать их по чисто политическим мотивам либо произвольно менять их формат и место проведения, снижая их общественную значимость, – один из краеугольных камней сложившейся манипулятивной политической системы. Недаром функционеры «партии власти» так болезненно отреагировали на сам факт выхода большого числа людей на улицу под антипутинскими лозунгами в Калининграде. Для них это полный скандал и «выход ситуации из-под контроля». Повод для разбирательства на тему «как допустили, почему не пресекли».

Власти сами поймали себя в ловушку. Они смертельно боятся признать, что «погорчились» и нарушили закон, отказываясь согласовать и разгонять митинги на Триумфальной. Для них это потеря лица и проявление слабости. Поэтому они продолжают упорно запрещать и разгонять. У них, конечно, достаточно сил, чтобы не допустить нормального, «правильного» проведения митинга с плакатами и речами с трибуны. Но помешать самому выходу людей на площадь они не могут, а все их «действия по противодействию» только усиливают общественный резонанс от акции. Людей раз от раза приходит все больше, а нарашивая число задержанных, власти только увеличивают общественную значимость происходящего.

А людей 31 января было действительно заметно больше, чем в предыдущий раз. Оппозиция говорит о тысяче участников, власти называют цифру 300. Но даже если в центре событий действительно было около трехсот человек, на «периферии» образовалось еще несколько отсеченных от «центра» милиецким оцеплением очагов митинга. Так что вполне возможно, что общее число пришедших приближалось к тысяче. Для митинга, про который все знали, что на нем точно будут задерживать, а возможно, и бить, это очень много.

И вот тут мы подходим к главному. Почему оппозиции на этот раз удалось добиться пусть и медленного пока, но верного роста числа людей, выходящих на «серийный» митинг? Ведь до сих пор, как правило, после всплеска общественного интереса к какой-то яркой акции этот интерес быстро падал и повторить первоначальный успех не удавалось. Власти, конечно, помогают, но все сделать за оппозицию они не могут.

Главная причина того, что «Стратегия-31» оказалась притягательной, на мой взгляд, в том, что совершенно верно была выбрана ее «идеологическая составляющая». Инициаторами митингов в защиту 31-й статьи Конституции выступили, как известно, наци-бабы. Но они с самого начала рассчитывали на привлечение всех оппозиционных сил. Причем в первую очередь либеральных. Отсюда и тематика «проекта» (политические свободы – важнейший вопрос для либералов), отсюда и его «символическое оформление»: упор сделан на возрождение дорогой для либерально-правозащитной общественности традиции сахаровских «стояний» в защиту Конституции.

И это сработало. В дело включилась группа правозащитников, пусть и немногочисленных, но имеющих высокий авторитет в либеральной среде. Их присутствие позволяет людям либеральных убеждений считать митинги на Триумфальной как минимум «и своими тоже». В этом плане знаковым было присоединение к акции московского «Мемориала» – людей политически осторожных, идеологически щепетильных и к нацболам

относящихся весьма критически. Наверное, им было непросто переступить некоторый барьер. И все же переступили. В противовес известной прежней «кричалке» нацболов, о которой постоянно напоминают их недоброжелатели, я бы вспомнил другую, слышанную от них еще на первых общих митингах оппозиции в 2005 году: «Мы растопим этот лед!»

Несколько лет назад участие в акциях совместно с нацболами для людей моего круга было большой проблемой. Лишь немногие с самого начала высказывались за такое участие. Не жалею, что был в их числе. И сегодня любому интересующемуся общественно-политической жизнью ясно, что никакие нацболы не фашисты и не экстремисты. Если, конечно, употреблять слово «экстремисты» в его истинном значении (люди, исповедующие и применяющие насилие в политических целях), а не в том, которым наполняет его нынешняя власть, стирая грань между понятиями «экстремизм» и «радикализм». Разговоры о невозможности стоять на одной площадке с нацболами по идеологическим причинам ныне не более чем камуфляж собственного личного или политического конформизма, то есть либо нежелания схлопотать неприятности, либо расчета поддаться к Кремлю.

За вопросом об отношениях с нацболами стоит более общая проблема: проблема формирования широкого оппозиционного альянса. Правозащитник Евгений Ихлов справедливо отмечает, что только союз левых (антибуржуазных) и либеральных (буржуазно-демократических) сил наподобие народных фронтов XX века смертельно опасен для тирании: «Ни одна диктатура в мире не пережила появления такой объединенной оппозиции».

Попытки формирования такой коалиции у нас наталкиваются на существенные расхождения по вопросам социально-экономическим и в еще большей степени – по международным. Облегчить процесс могут совместные действия в ходе различных гражданских акций. Эти, по словам Ихлова, «не сектантские по духу радикальные инициативы» создают среду, «в которой происходит естественная конвергенция левых и либеральных идеологем», преодолеваются взаимные предубеждения, возникают «симпатии друг к другу и стремление к пониманию». Например, общие действия в поддержку задержанных на митинге значат больше участия в клубных дискуссиях. Конечно, чтобы предъявлять серьезные претензии на власть, нужна какая-то взаимоприемлемая социально-экономическая программа хотя бы на ближайшее время. Но выработать ее после такого совместного опыта будет легче.

Именно в эту точку и бьют нацболы. Причем они, как наиболее активные сторонники идеи широкой коалиции, часто выступают в качестве «моста» между «буржуазными либералами» и не жалующими их традиционными «красными». И в это дело «Стратегия-31» тоже вносит существенный вклад. И глубоко неправы те скептики, которые указывают, что вопрос о свободе собраний слишком абстрактен для обычного человека и этим вопросом широкие массы не поднять. Да, социально-экономические вопросы обязательно встанут, и оппозиция должна будет выдвинуть по ним общую программу. Но «Стратегия-31» готовит для этого почву. И даже хорошо, что ее тематика пока предельно сужена и заострена.

Вывод прост: «Стратегию-31» надо продолжать. И «мы растопим этот лед»!

grani.ru, 03.02.2010

НЕ СЛУЖИ УРОДАМ

По Интернету гуляет копия трафарета протокола задержания, рассылавшегося по отделениям милиции, в которые доставлялись задержанные на Триумфальной площади. Фальсификация рапортов и протоколов задержания при разгонах публичных акций – обычная общая практика еще со времен перестройки. У меня самого имеется на этот счет богатый личный опыт. Об этом знают все, в том числе и судьи, которым поступают дела о несанкционированных митингах. Кстати, иногда они отфутболивают такие дела назад на формальном основании неправильного составления протокола.

В правоохранительных структурах прекрасно понимают, что совершается уголовное преступление, но закрывают на это глаза. Одни исходят из политической целесообразности: как же иначе можно предотвратить оранжевую революцию и захват власти агентами внешнего влияния, которые продадут родину американцам? Другие, которые в эту чушь не верят, просто не хотят связываться и из-за такой мелочи портить отношения с начальством и коллегами. Но у меня такое ощущение, что это начинает им надоедать.

Всеволод Чернозуб пишет, что «милиционеры в большинстве отделений, не мудрствуя лукаво, приложили присланное к протоколам». Да еще и дали отксерить. Почему? По простоте своей? А не приходит в голову, что «менты» слили правозащитникам компромат на свое начальство?

Посмотрите внимательно граневскую видеозапись разгона митинга у Гостиного в Петербурге. Митинг уже вовсю идет, и его участники размахивают картонными квадратиками с цифрой «31» (это по нашей правоприменительной практике считается прямым признаком участия митинге). А милицейский чин долго зачитывает митингующим в мегафон статьи законов, которые они «нарушают», и что и в каком случае им за это будет. Потом милиция терпеливо дожидается, пока закончит свою речь оратор, и только после этого начинает задержания. Не кажется, что «менты» фактически дали провести митинг, которому, в соответствии с задачами, поставленными властью, они не должны были дать начаться? И может, не зря на митингах с 2005 года кричали: «Милиция с народом, не служи уродам»?

Что-то меняется в атмосфере. Это чувствует и власть. И это – одна из причин ее комичной в своем идиотизме реакции на митинг в Калининграде и безобидные высказывания Миронова.

grani.ru, 05.02.2010

ПОЧЕМУ НЕПРАВ ПОЗНЕР

В обширном интервью интернет-изданию «Каспаров.Ру» Владимир Познер объяснил, почему в конфликте вокруг Триумфальной площади виноваты несогласные, а не власть. Он признает, что предлоги отказов надуманы. Но все равно не следует «нарушать порядок». Надо идти другим путем. Быть умнее и тоныше. «Провести митинг на Болотной площади, на Тургеневской площади, при этом настойчиво добиваться Триумфальной, но не разговаривать в ультимативной форме». Задавать властям вопрос: «А когда можно провести митинг на площади?». Если власти ответят: «Никогда», то другого выхода не будет, тогда надо выходить. Тогда и он будет поддерживать несогласных.

Конечно, это лукавство. Конечно, Познер знает, что власти никогда не ответят: «Ни-когда не дадим». Напротив, они будут объяснять, что с превеликой радостью, при первой возможности дадут. Как только, так сразу. Только когда, это будут решать они. Так что Познер может быть спокоен. На слове его никто не поймает, и поддерживать несогласных ему не придется. А значит, он сохранит возможность «говорить, искать точки соприкосновения, идти во власть по возможности, налаживать диалог, стараясь сдвинуть власть в нужную сторону, а не просто противостоять ей и провоцировать ее».

Познер формулирует старую как мир позицию: для достижения результата надо подчиняться «правилам игры». Надо бороться с помощью закона, говорит он. Но в том то и дело, что речь идет не о законе. Причиной нежелания властей разрешить митинг на Триумфальной является исключительно само их нежелание разрешить митинг на Триумфальной, а по закону такая причина основанием для отказа быть не может. На самом деле речь идет о подчинении неким неформальным правилам, требующим от просящего позы покорности.

Российская власть всегда была очень чувствительна к тому, в каком тоне с ней разговаривают. Она не любит, когда на нее наседают. Любая поблажка с ее стороны должна на выглядеть барской милостью, а не вырванной уступкой. Это обязательный принцип патерналистской системы. Именно этот принцип в точности воспроизводит систему отношений в криминальном мире. Недаром криминальный авторитет называется паханом. Патернализм – это общественный договор между паханом и сяvkой. А паханы, как известно, имеют нежную, легко ранимую душу. Они очень обижаются, когда их не признают за паханов.

Вот последний пример подобного мышления наших властных структур.

Центр по противодействию экстремизму затеял проверку интернет-издания Границы.ру на предмет призывов к свержению конституционного строя либо разжигания межнациональной розни. В телефонном разговоре сотрудник Центра «Э» Скрипников предложил руководству «Граней» встретиться, а также потребовал предоставить копии регистрационных документов. Генеральный директор Юлия Березовская попросила прислать официальный запрос. И Скрипников обиделся: мол, отказываясь идти на неофициальные контакты с Центром «Э», руководители «Граней» обостряют ситуацию. То есть не хотят «разрушить» ее по понятиям. Не приняли сразу позу покорности. Имеют наглость требовать какие-то официальные бумажки.

Так в чем же неправ Познер? А в том, что если ты не хочешь быть сяvkой, надо не пытаться уважить укоренившийся у властей паханский способ мышления ради отдельных позитивных достижений, а постараться вывести из строя механизм регулирования общественной жизни по бандитским понятиям. А для этого надо не вести себя как сяvка.

grani.ru, 13.02.2010

РЕАКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

В Петербурге власти воспрепятствовали первомайскому шествию колонны либерально-демократических организаций, потребовав убрать плакаты и растяжки с лозунгом отставки губернаторши Матвиенко как не соответствующие заявленной теме мероприятия. Участники акции категорически отказались выполнить требование властей и провели импровизированный получасовой митинг прямо на Лиговском проспекте, напротив БКЗ «Октябрьский», в окружении плотного кольца милиции.

Грубая провокация администрации питерской барыни создает опаснейший прецедент и серьезно меняет всю сложившуюся «правоприменительную» практику (если категория «право» вообще применима к действиям властных структур путинского режима). Впервые требование отставки высокопоставленных должностных лиц становится основанием для воспрепятствования проведению заранее «согласованного» (фактически «разрешенного») властями публичного мероприятия. Отметим, что для этой своей провокации власти цинично использовали именно 1 мая, традиционно считающееся датой «большого водного перемирия», когда администрация ведет себя «либеральнее», чем обычно.

Конечно, власти вновь продемонстрировали так называемый избирательный подход, устроив подлянку питерской коалиции либерально-демократических организаций, лидеров которой Резника, Курносову и других они рассматривают как своих главных врагов. Другие-то колонны спокойно прошли по Невскому, скандируя требования отставки Матвиенко и Путина. Но главное даже не в этом.

Требование отставки Матвиенко, подкрепленное соответствующими плакатами, выдвигалось на всех согласованных властями публичных акциях оппозиционных движений Петербурга любых политических и идеологических направлений. О том, что этот лозунг будет основным на первомайском шествии, было широко объявлено через СМИ заранее, и у властей не возникло никаких претензий. Положения закона о необходимости соответствия лозунгов, плакатов и содержания выступлений заявленной цели мероприятия довольно расплывчаты, но в стране давно и прочно укоренилась практика: цели мероприятия формулируются в самом общем виде, при этом содержание лозунгов и плакатов весьма разнообразно и не проходит процедуры предварительного согласования. О нем власти даже не уведомляются.

Власти стремятся кардинально изменить именно эту практику. Их цель – максимальная регламентация публичных акций, предварительное согласование не только лозунгов, но и списка выступающих и содержания их выступлений. А любое отклонение от регламента будет основанием для пресечения акции. Именно на это направлены новые законодательные инициативы партий власти. То есть делается еще один крупный шаг к дальнейшему урезанию и без того сильно сжатого пространства политической свободы.

Эту линию путинский режим последовательно проводил с момента своего возникновения. Но проводил он ее до недавнего времени ни шатко ни валко, избегая резких движений, способных вызвать всплеск раздражения в обществе. Между шагами в этом направлении делались достаточно длительные перерывы, на протяжении которых общество как бы смикалось с очередной вроде и не очень значительной потерей.

Сейчас происходит явное ускорение наступления на остатки наших политических свобод, и ведется это наступление более широким фронтом. В Думу запущен целый набор репрессивных законопроектов. Кроме поправок, ужесточающих законодательство о митингах, можно упомянуть и значительно расширение возможностей ФСБ препятствовать деятельности гражданских активистов, организаций и СМИ, новую редакцию печально известного «закона Шойгу», представляющую собой попытку управлять исторической памятью. Так что была ли хамская выходка питерских властей следствием прямых указаний сверху, самодурства капризной барыни или неадекватного рвения мелкого чиновника, она лежит полностью в русле государственной политики самого высокого уровня. И свидетельствует это о том, что разговоры «кремлевских» о модернизации – не просто демагогия.

Не случайно в это же самое время в Думу запущен проект, которых уже окрестили «законом о коммерциализации бюджетных организаций». Он призван окончательно похоронить бесплатное образование и медицину и под рукоплескания наиболее правой части либералов реализовать давнишнюю мечту правящей клептократии – «нерыночными»

средствами оградить своих детей от конкуренции со стороны детей менее «успешных», сделать непреодолимыми межклассовые барьеры, фактически превратив классы в со- словия. Это и есть «модернизация», новая версия «непопулярных социальных мер». И она требует соответствующей ей «модернизации политической системы», то есть замазывания последних щелей, через которые может выражаться социальный протест.

Как оппозиция может противодействовать путинско-медведевской модернизации и какие уроки она должна извлечь из питерского Первомая? Разумеется, очередное проявление государственного бандитизма требует оперативной и комплексной реакции. Разумеется, оппозиционные организации должны выступить с максимально жесткими заявлениями. Разумеется, должен быть подан иск о возбуждении уголовного дела против должностных лиц, незаконно воспрепятствовавших реализации прав и свобод граждан. Должна быть развернута кампания «Чиновников – на нары!». Должна быть активизирована кампания за отставку Матвиенко. Необходимо обратиться и к должностным лицам, возглавляющим «официальные» правозащитные структуры, таким как Владимир Лукин и Элла Памфилова. Пусть тоже реагируют. Иначе зачем вообще нужны эти представители «партии умеренного прогресса в рамках законности»?

Но самое, с моей точки зрения, главное – участники питерской либерально-демократической коалиции должны преодолеть обиды, гордость, ложное стеснение и обратиться с призывом, с просьбой о солидарности к конкурирующим оппозиционным организациям из нелиберальной части спектра. Сегодня вы прошли по Невскому беспрепятственно, но завтра точно так же могут поступить с любым из вас. И давайте отодвинем в сторону вопрос о том, кто больше виноват в развале формировавшегося в Петербурге широкого оппозиционного фронта. Питерские либералы должны недвусмысленно заявить о стремлении искать пути восстановления такого фронта.

Власти вновь ткнули нас всех носом в старую простую истину. Гражданское общество только тогда сможет защитить себя от агрессии со стороны антинародной власти, когда различные его отряды будут способны совместно отстаивать общегражданские интересы несмотря на существующие фундаментальные идеологические и политические расхождения. Защита политических свобод является первейшим из таких общегражданских интересов. В этом деле могут и должны участвовать совместно и либералы, и коммунисты, и националисты.

Поодиночке ломать гораздо легче. Недаром любые коалиционные инициативы власти рассматривают как наиболее опасную для себя угрозу. И они весьма преуспели в разобщении оппозиции, которая ни в один из предыдущих Первомаев не была столь раздроблена на «сепаратные» мелкие колонны. Между тем, если бы заблокированная милицией колонна (предусмотрительно распределенная властями в самый конец «очереди») была раза в три больше, если бы она была морально готова идти на прорыв (люди совершенно не ожидали жесткой конfrontации с властями и пришли благодушно-расслабленными), власти скорее всего не решились бы препятствовать ее движению. Большое побоище 1 мая создало бы им слишком большую головную боль. А создание головной боли (или угроза ее создания) пока, к сожалению, является единственным способом диалога с властью. Во всяком случае, пока та не научится понимать обычную человеческую речь и прислушиваться к голосу общества. Необходимость постоянной готовности к противостоянию с фашизющей властью, к акциям гражданского неповиновения – еще один урок, который должна извлечь оппозиция из питерского Первомая.

grani.ru, 02.05.2010

ПРОТЕСТ В ПОЗЕ ПОКОРНОСТИ

Видеозапись с Триумфальной я посмотрел, вернувшись из отделения милиции после задержания у Гостиного двора в Петербурге. И не стыжусь почти детского восторга. Источники нацболов говорят о 2 тысячах участников. По видеозаписи мне показалось, что их было даже больше. Я увидел прекрасные лица свободных и гордых людей, которые пришли защищать человеческое достоинство и противостоять государственной подлости. Они ничего не боялись и готовы были подвергать себя опасности. И в этот момент их совершенно не интересовало, кто из них как относится к Чингисхану, Ивану Грозному или еще какому-нибудь историческому персонажу той же степени привлекательности. Во всяком случае, это им не мешало составлять Народ. Потому что они пришли бороться за день завтрашний.

А с другой стороны – совсем другие лица. Раздраженные, исполненные досады и, в общем, растерянные. Современные средства коммуникации беспощадны. Человека, публично совершающего гнусность, может теперь увидеть за этим занятием любой, причем в любое время. В том числе и его дети. И когда-нибудь задать вопросы.

Репутационные потери власти и лично ее виднейших представителей, от мужа Батуриной до байкалфинансгруппенлидера, трудно переоценить. А Стратегия-31 окончательно вырвалась с маргинальной периферии информационного пространства, и теперь на события на Триумфальной не могут не реагировать ни вполне подкремлевские СМИ, ни вполне встроенные в систему и до сих пор подчинявшие ее правилам общественные деятели. Начинают бунтовать покорные. Но главное, преодолен еще более важный барьер. Митинги на Триумфальной перестали быть «гусовками» узкого круга традиционных политических активистов. Собравшиеся 31 мая были уже именно Народом. Поэтому 31 мая в Москве – оглушительный успех. И достигнут он уже в последнюю очередь благодаря непреклонному отказу инициаторов идти на гнилой компромисс с властями. Второй фактор успеха – в Москве сложился достаточно прочный широкий фронт внесистемной оппозиции.

В Петербурге ситуация сложилась иная. Первую акцию в рамках Стратегии-31, организованную нацболями у Гостиного двора 31 января, либеральная оппозиция просто проигнорировала. Когда стало очевидно, что продолжать оставаться совсем в стороне уже просто неприлично, Правозащитный совет Петербурга выдвинул предложение проводить по 31-м числам акцию на Дворцовой площади, и не в 18.00, как на Триумфальной и у Гостиного, а в 19.00.

Это предложение и было поддержано большинством руководителей питерского «Яблока» и «Солидарности». Вроде как и в борьбе за соблюдение свободы собраний отметились, а с другой стороны, с рамками Стратегии-31 напрямую это не связано: время и место другое. И с полным правом можно говорить, что это наша собственная акция. А нацболя предложили просто присоединиться к мероприятию, организуемому Правозащитным союзом.

На состоявшихся переговорах главным аргументом либералов было то, что Дворцовая площадь лучше. У Гостиного меньше места, и отказ властей согласовать акцию под предлогом неудобства для прохожих будет выглядеть правдоподобным. Если же будут разгонять на Дворцовой, режим будет выглядеть куда гаже. Нацболя отвечали, что гораздо важнее, чтобы случайные прохожие видели происходящее, чтобы была возможность вступать с ними в контакт, объяснять ситуацию, вести пропаганду. На огромной же пустой Дворцовой демонстрантов просто никто не заметит.

Тогда я говорил, что ради консолидированной акции уступить должен тот, кто умнее. Но осуждать нацболов за их отказ от столь любезного предложения у меня язык не пово-

рачивается. В результате 31 марта были проведены две отдельные акции. У Гостиного нацболов и членов РКРП по-прежнему «винтили», а вот собравшимся на Дворцовой либералам милиция дала спокойно погулять хороводом вокруг Александрийского столпа без плакатов, речей и лозунгов, несмотря на такой же отказ в согласовании. А 31 мая им дали даже дойти до Сенатской площади.

О том, что ситуация складывается не совсем красивая, говорили многие еще после 31 марта. Но либералы тут же нашли и этому объяснение. Это даже хорошо, что проводятся две параллельные акции. Суммарное число их участников получается больше. Не все сторонники либеральной оппозиции готовы участвовать в акциях, организованных идеологически неприятными им нацболовами. Не все также готовы рисковать неприятностями с милицией. Так что если одних «винтият», а других нет, вроде как тоже хорошо. Людям надо дать ощущение хотя бы частичной победы над властями. Вот добились же, что хоровод вокруг Колонны не разгоняют, несмотря на запрет. Завтра добьемся большего.

Только нет здесь никакой победы над властями, даже очень частичной. Власти классически развели оппозицию на «плохую», которую «винятят» за любой картонный квадратик с цифрами «31», и «хорошую», которой можно дать «просто погулять выйти» и под присмотром милиции совершенно свободно пообщаться между собой на любые темы, но только так, чтобы этого никто не увидел и не услышал. При этом в возможности запрещать и разгонять (или не разгонять по своей милости) любые акции власть себя никак не ограничила.

Да, не все из собравшихся на Дворцовую были готовы выйти к Гостиному. Понятие «республиканской дисциплины» (хорошо знакомое, например, Франции уже в начале XX века) проникает в сознание наших либералов-западников куда тяжелее, чем в сознание тех же нацболов. Они уж если принимают решение поддержать «чужую» акцию, то приходят достаточно консолидированно. Но даже если бы вышла хотя бы половина, политический ущерб режиму от этого был бы сопоставим с московским. Потому что да, это война, победа в которой достигается нанесением максимального ущерба противнику.

Между тем противник совсем недавно предоставил питерским либералам великколепную возможность исправить ошибку, не теряя лица, когда власти нагло не допустили ранее согласованное первомайское шествие питерской либеральной коалиции. Тогда в положении «плохой» оппозиции оказались именно либералы. И они могли официально присоединиться к Стратегии-31 (то есть к митингу у Гостиного) «в ответ» на это очевидное хамство. К сожалению, лидеры питерских либералов вновь выбрали пить, который обычно называют «бунтом на коленях», то есть протест в позе покорности.

grani.ru, 01.06.2010

ПРЕЛЕСТИ КНУТА

Интеллигенция и власть. Задача очень сложна:
То ли лизать сапог, а то ли кусать.
Тимур Шаов

Интеллигенция любит внутреннюю свободу и не любит ходить строем. Ходить строем – это тоталитаризм. Интеллигенция не любит, когда ей предписывают, как ей ходить, какие-то не вполне понятные ей люди или просто ситуация. Интеллигенция не любит оказываться в ситуации жесткого выбора. Это ограничивает ее внутреннюю свободу. Для

интеллигента (особенно для представителя творческой интеллигенции, существа наиболее тонко организованного) самое главное – не быть как все.

Все, например, знают, что московские власти задались целью ни за что не допустить оппозиционного митинга на Триумфальной площади ни в какое 31-е число, какой-либо цели по закону ониставить не могут. Все знают, что для незаконного воспрепятствования гражданам в реализации их права на свободу собраний власти идут откровенное мошенничество и, чтобы занять площадь, инсценирует при помощи прокремлевских молодежек то велосипедные игрища из четырех человек, то кормление из полевой кухни гречневой кашей, то сбор крови (на улице, то есть в заведомо антисанитарных условиях), то «антитеррористическую» траурную дискотеку.

Все знают также, что сотрудники милиции применяют к «несогласным» удушающие приемы, выкручивают им руки, волокут по асфальту отнюдь не за разбитые витрины и подожженные автомобили, а всего лишь за поднятый картонный квадратик с цифрой «31». Все знают о душегубках, намеренно устроенных ментами в автозаках, об избиениях, в том числе девушек и пожилых людей, о двойном «профилактическом» переломе руки журналисту Александру Артемьеву в ОВД «Замоскворечье». Все знают о массовой фальсификации милицией рапортов о задержании с заранее вписанными лозунгами и с проблемами для фамилий.

Но почему и кому обязан я – свободная творческая личность – смотреть на вещи глазами этих «всех»? На каком основании от меня этого требуют? А я вот считаю, что не разбитые витрины и подожженные автомобили, а именно картонные квадратики с цифрой «31» являются «беспорядками». И я не считаю, что перекрывать дорогу политическому сопернику, за месяц подавая заявку на «культурно-массовое мероприятие» (в то время как на общественно-политическое мероприятие заявку можно подать не ранее чем за 10 дней), – это нечестно. Так что оппозиционеры сами «хулиганствуют и плюют на законы», в то время как «вменяемая молодежь сдает там кровь». Так что получают смузьяны по заслугам, а «милиционеры на Триумфальной площади – они и есть настоящие право-защитники». Так что не надо травить нашу милицию. «И о чем тут спорить?» – задает риторический вопрос кинорежиссер Ф. С. Бондарчук.

Впрочем, не все представители вписанной в истеблишмент и холуйствующей перед властью «общественности» заняли столь однозначную позицию. Некоторые призвали уполномоченного по правам человека Владимира Лукина, осудившего действия милиции, не торопиться с выводами, а сначала «разобраться, получить материал, выслушать аргументацию всех сторон» (видимо, девяти отказов в проведении митинга на Триумфальной за полтора года для этого недостаточно). Они указывают Лукину на то, что его должность обязывает не занимать одностороннюю позицию. Нарушения были с обеих сторон, утверждает глава комиссии по общественному контролю за деятельностью правоохранительных органов и реформированием судебно-правовой системы Общественной палаты Анатолий Кучерена. Ответственность лежит и на самих участниках, вторит ему директор некоего «Московского бюро по правам человека» Александр Брод. Действия милиции он объясняет тем, что среди митингующих были и радикалы, которые «пытаются заодно выступить, показать себя, любыми способами привлечь внимание». Брод полагает, что выкрики на политическом митинге «не имеют ничего общего с демонстрацией своих политических взглядов». Видимо, в представлении Александра Бroда «радикал» имеет меньше прав стоять с картонным квадратиком, чем «умеренный», политический митинг проводится не с целью выступить, показать себя и привлечь внимание, а участвовать в нем можно только молча.

По мнению директора Института политики и государственного права Виталия Иванова, Лукину «нужно разобраться, не нарушают ли претензии этих самых «несогласных»

права других, более социологически значимых, категорий россиян». А директор Фонда исследований проблем демократии Максим Григорьев даже обнаружил граждан, «пострадавших от такого рода акций». То есть Лукину надлежит выяснить, кого из прокремлевской молодежки «несогласные» запихали в фургон, в котором было нечем дышать, и избили в своем штабе.

Поза «над схваткой» – излюбленная поза вольнолюбивых творческих личностей. Они не только настаивают на своем праве на занимать чью-то сторону при столкновении с откровенной ложью, подлостью и мерзостью, но и порицают тех, кто лжи, подлости и мерзости противостоит. Причем любое осуждение действий властей считается односторонней позицией. А вот в упор не замечать незаконности отказов в согласовании митингов – позиция вполне объективная извещенная. Или оправдывать выходящее за всякие мыслимые законные рамки применение силы тем, что если милиция не будет этого делать, митингующие непременно и впредь начнут «поджигать автомобили, переворачивать автобусы и бить стекла». Как утверждает Михаил Барщевский, ссылаясь, что «все обсуждают не то, что какие-то граждане, нарушив закон, вышли в неподложенном месте, а все обсуждают то, что этих граждан мордовали, били, ломали руки». Ему остается только предложить отменить 31-ю статью Конституции вообще. Ведь, по его словам, «митинговая уличная демократия никогда нигде к добру не приводила».

Я не буду требовать от Михаила Барщевского последовательности. Я не претендую на то, чтобы указывать ему как себя вести и заставлять его ходить строем. Я также не призываю подвергать моральной травле тех, кто не считает зазорным становиться на сторону опричников, жандармов и вертухаев. Травля – это тоже тоталитаризм. Все люди – люди. И не надо раскальвать общество. Вот ведь и Солженицын пишет, что граница, отделяющая добро от зла, проходит не между борющимися классами (или какими-либо еще враждующими лагерями), а через душу каждого отдельного человека. Но из всех перечисленных граждан мне почему-то больше всех жаль Федора Бондарчука. Я тоже верю, что в любом человеке может проснуться совесть. И если она проснется у Федора Бондарчука и он встанет тогда на сторону «несогласных», очень многие очно и заочно будут напоминать ему его сегодняшние слова. И тогда ему будет очень больно. А боли я никому не желаю. Ведь все люди – люди.

grani.ru, 07.06.2010

ДВОРЦОВАЯ ПЛОЩАДЬ РАЗДОРА

На ситуацию, возникшую с митингами в защиту 31-й статьи Конституции в Петербурге, откликнулась в своем ЖЖ активистка питерской «Обороны» Дарья Костромина. Она пишет, что «вопреки упрямству с одной стороны и плагиату с другой», вопреки «фырканью а-ля «невинный флешмоб либералов» или «а на Гостинку вообще ходить не надо!», разделение акции надвое дало не такие уж плохие результаты: «Получилось два часа вместо 30 минут. Получился удвоенный информационный повод и большее количество информации в СМИ. Уже потому что эта информация была разнообразна... Как следствие, больше внимания к Стратегии».

Сравнивая два существующих подхода к отстаиванию своих прав – законопослушный (судиться до потери пульса, когда сталкиваешься с незаконным запретом, но запрет не нарушать) и, скажем так, тактику гражданского неповиновения противозаконным запретам властей, Костромина находит свои плюсы и минусы в обоих. В первом случае власть лишается возможности обвинить своих оппонентов в пренебрежении к правовым

процедурам и провоцировании конфликта. Однако при нашей басманной судебной системе приходится годами уповать только на Европейский суд, решения которого обходятся администрацией в том же порядке, что и внутрироссийское право. В результате протест захлебывается в бюрократических тенетах, остается никому неизвестным, провести уличную акцию все равно не удается или удается провести молчаливую. Во втором случае разгоны и неадекватная агрессия милиции дискредитируют власть куда быстрее. Действовать в соответствии со своим порывом и убеждениями, заметно, «драйвово». Но и тут есть минус: «слишком громко хрустят руки при переломах, а люди боятся».

Дарья Костромина приходит к выводу, что оба подхода имеют равное право на существование. В одном случае может оказаться предпочтительней один подход, в другом – другой. Поэтому противопоставлять их друг другу не следует. И уж во всяком случае, не следует обвинять в трусости тех, кто выбирает путь хотя бы частичного подчинения чужим, нечестным правилам игры. «Общество – это не только сотни храбрых, это миллионы обычных избирателей, которые готовы потратить чуть-чуть времени и сил, чтобы прочитать более-менее независимые новости, подумать, прийти на выборы, поставить галочку, поставить подпись под важным обращением. Но не готовы ложиться на амбразуры. Дать им возможность сказать что-то присутствием своего тела в определенном месте в определенный час – это нужно, это хорошо. Присутствие – это тоже гражданский поступок для многих, больше, чем участие в выборах, больше, чем подпись, меньше, чем экскурсия по обезьянникам. Не надо требовать максимума. Для кого-то это начало, первое знакомство с относительно безопасной стороны, входжение. Пусть люди погуляют теплым летним вечером, пусть услышат о московском газе и решают сами, в какой степени должен быть выражен их протест».

На мой взгляд, Костромина упускает из вида очень важную деталь, а именно контекст данной конкретной ситуации. Митинги в рамках Стратегии-31 являются элементами единой общероссийской кампании в защиту свободы собраний. Эта кампания построена целиком на втором принципе. Она рассчитана на то, что власть отступит не в результате многолетнего судебного разбирательства во всех возможных и невозможных инстанциях, а потому, что моральные и политические потери от упорно повторяющихся незаконных запретов и разгонов достигнут неприемлемого для нее уровня. И я не случайно употребляю чисто военное понятие «неприемлемый уровень потерь». Это действительно война.

Главные сражения этой кампании разворачиваются в Москве. Столица многими воспринимается как маяк для всей остальной страны и в значительной степени таким маяком действительно является. Именно в Москве вопиющее беззаконие властей в отношении митингов и шествий приобрело наиболее наглый, демонстративный и системный характер. И когда власти Москвы первый раз согласуют митинг именно 31-го числа, именно в 18-00, именно на Триумфальной площади и именно этим заявителям, согласуют не в результате какого-то закулисного торга «по понятиям», а так как признают, что именно этого требует от них закон – вот тогда можно будет сказать, что оппозиция выиграла если не всю войну, то, как минимум, стратегически важное сражение.

И хотя на сегодня этот рубеж оппозицией пока не взят, можно с уверенностью утверждать, что морально-политические потери власти постоянно нарастают, причем с ускорением. Самое опасное для власти (и власть это прекрасно осознает) – это то, что, вопреки сомнениям скептиков, наблюдается постоянный рост числа участников акций. Люди не впадают в уныние от постоянно повторяющихся запретов и разгонов. Наоборот, это способствует их мобилизации. Сам факт роста числа участников способствует вовлечению в движение все новых колеблющихся. Режим держится вовсе не на сознательной активной поддержке большинства, а на том, что значительная часть общества воспринимает его как неизбежную данность от безысходности. Я не участвую в акциях оппозиции, потому

что они слишком слабы, чтобы на что-то повлиять. Но они слабы именно потому, что я в них не участвую. Разорвать этот порочный замкнутый круг означает поставить под угрозу всю путинскую политическую конструкцию.

Не менее важен произошедший 31 мая очевидный прорыв информационной блокады. Начался и процесс размежевания в среде так называемых «приличных людей в системе». Эта среда подчиняющихся неписанным системным нормам «осторожных реалистов» – существенный элемент путинской конструкции. Это некий «буферный» рубеж ее обороны, не менее важный, чем шеренги ОМОНа. Сегодня на глазах происходит развал этой линии обороны. Одни не могут больше терпеть и начинают нарушать правила-понятия, другие – те, которых режиму удалось срочно мобилизовать на отпор оппозиции (в том числе и в форме неуместных «мирных инициатив») – теряют репутацию «приличных». Вновь применяя военную терминологию, можно сказать, что власть вынуждена жертвовать своими резервами. И делает это она оять же не по глупости, а потому что имеет веские основания предполагать, что прорыв фронта в одном месте приведет к быстрому обрушению всей путинской конструкции.

Все это лишний раз подтверждает, что оппозиция находится на расстоянии вытянутой руки от победы. И не случайно все исходящие от властей предложения (как прямые негласные, так и публичные предложения «посредников») направлены на одно: уговорить оппозицию «отступить на шаг», «пойти в обход», то есть отказаться от принципа «единства места и времени». Если оппозиция даст себя уговорить, это будет означать проигрыш всей кампании. Оппозиция получит от властей площадку, где сможет выпустить пар. Получит опять «по понятиям», а не по закону. При этом сам принцип, позволяющий властям манипулировать законом, останется в неприкосновенности. То есть, режим сохранит свою важнейшую стратегическую позицию, свое важнейшее оружие. Нет сомнения, что это приведет к разочарованию и унынию многих вовлеченных уже в движение людей, и его напор схлынет. То есть пар действительно выйдет.

Что же произошло в Питере? Значительную часть протестного контингента увела в сторону от той точки, в которой противостояние с властями наиболее для них болезненно. Это сразу снизило уровень морально-политических потерь власти от жесткого разгона митинга на Гостиные, то есть уменьшило степень поддержки, которую Питер потенциально мог оказать наступлению в Москве. Был нарушен принцип единства места и времени. Власть получила дополнительную свободу маневра для уговаривания московской оппозиции «пойти в обход»: вот ведь в Питере часть движения пошла в обход, и ее уже не разгоняют. Пока по «неформальному соглашению», но со временем можно будет закрепить это формально.

Этот «минус» двух параллельных акций перевешивает все те «плюсы» о которых пишет Дарья Костромина. Есть и еще один не менее увесистый минус. Тут мы подходим к вопросу, которого Костромина касается лишь вскользь: «Слышала я, что «Солидарность» сразу умрет, когда выйдет с нацболами, потому что они хуже Путина». Эти разговоры я тоже слышал. В питерской либеральной оппозиции есть влиятельное крыло, в принципе выступающее против совместных акций с нацболами и левыми, в которых представители этого крыла видят своего главного политического противника. Такие акции мог помогают потенциальному врагу и отвращают от либеральной оппозиции ее сторонников. Стратегической целью этого крыла является не просто недопущение воссоздания существовавшей ранее в Петербурге широкой оппозиционной коалиции, но и развал оппозиционного фронта, фактически сложившегося в Москве.

Так вот идея параллельной акции на Дворцовой были принципиальной уступкой «центристских» лидеров питерской либеральной оппозиции ее «правому» крылу. Основным мотивом было отнюдь не желание дать возможность выразить свой протест тем,

кто не готов подставляться под дубинки. Когда решался вопрос с Дворцовой, не было никакой уверенности, что там быть не будут. Главный аргумент звучал иначе: надо дать площадку тем, кому неприятно стоять рядом с нацболами.

Вернемся в Москву. Рост числа участвующих в акциях на Триумфальной достигнут не в последнюю очередь потому, что московским оппозиционным группам удалось подняться над застарелой взаимной идеологической враждой. Сначала сторонник того или иного течения приходит на «чужую» акцию, преодолевая себя, исходя из рационального понимания общности ближайших целей. Он учится не бояться, что его участие пойдет на пользу пиару конкурента, поскольку успех каждого сейчас выгоден всем. Затем он приходит уже без особого насилия над собой, потому что видит на акции людей, находящихся рядом с которыми ему легко и приятно. И он уже считает эту акцию не «чужой» (поддержанной из тактических соображений), а «и своей тоже». Наконец, чувство гражданской солидарности, рожденное в живом общении, во взаимопомощи с людьми иных взглядов, начинает преобладать над любыми соображениями политической выгоды той или иной группы. Мероприятие политических активистов в силу изменения внутреннего самоощущения его участников превращается в широкую надпартийную и надидеологическую гражданскую акцию, несравненно более притягательную и заразительную, чем любое действие политических активистов.

Таким образом, достоинство Стратегии-31 заключается еще и в том, что она оказывает мощное воспитательное воздействие на самих участников оппозиционных движений, способствует консолидации широкого оппозиционного фронта. Параллельная акция на Дворцовой такому воспитанию и такой консолидации прямо препятствует. И вопрос этот выходит далеко за рамки битвы за Триумфальную. Правые либералы в принципе отвергают идею широкого оппозиционного фронта. Эта идея исходит из того, что только коалиция либералов, коммунистов и националистов может сменить путинскую власть. И все ее участники должны быть представлены в послепутинской власти. И будут оказывать свое влияние на ее политику. В том числе и экономическую. То есть, если «успешный класс», на который ориентируются либералы, действительно хочет политической свободы и правового государства, если он действительно хочет демократии, он должен будет заплатить за все это определенную социальную цену. Например, в виде прогрессивной шкалы налогообложения. И не только.

Тот, кто этого не захочет понять, рано или поздно окажется вне демократического оппозиционного движения. Ему останется лишь уповать на то, что лет через 40-50 «Партия Единой России» трансформируется в цивилизованных консерваторов, с которыми можно будет соприкасаться, не опасаясь запачкаться. Как ожидали многие, что в нечто цивилизованное и современное трансформируется поздняя КПСС. Мой прогноз иной. Эта туша будет лишь разлагаться, смердить и заражать все вокруг себя. Ничего цивилизованного из нее не народится. В любом случае, у России просто нет исторического времени на это ожидание.

«АПН Северо-Запад», 2010-06-21

НЕ ВЕРЬ, НЕ БОЙСЯ, НЕ ПЛАТИ

1 ноября 2010 года, после ночи в «обезьяннике» и нескольких часов в милицейском автобусе во дворе судебного участка № 203, я был приговорен мировым судьей Алексеем Кузнецовым к очередному штрафу за участие в несанкционированном митинге у Гости-

ногого Двора 31 октября. Второе административное дело по тому же эпизоду – по статье о неповиновении сотрудникам милиции – судья Кузнецов передал по месту моей регистрации. Было поздно, и судья Кузнецов хотел домой. Норму по суточным приговорам он уже выполнил (27 суток касьяновцу Андрею Пивоварову, 5 суток нацболу Андрею Дмитриеву, 14 суток нацболу Андрею Песоцкому). Я не стал препятствовать переносу дела по месту жительства и затягивать «процесс». В автобусе еще дожидались очереди несколько моих товарищей по заключению, утомленных не меньше судьи Кузнецова.

Заполняя бумаги, судья Кузнецов небрежно бросил: «Мне надоел этот фарс, который вы устраиваете у Гостинки». Мне тоже надоел этот фарс. Фарс, который постоянно проходит в наших судах. И я отказываюсь в нем участвовать.

Я не буду говорить о столь тонких для наших гражданских и полицейских чиновников заоблачно-юридических материалах, как истолкование федерального закона № 54 о митингах и собраниях. Вот Страсбургский суд постановил только что, что отсутствие согласования публичной акции само по себе отнюдь не является основанием для ее пресечения и задержания ее участников всего лишь за выражение ими своей политической позиции. Но нам Страсбург, как известно, не указ. Я не буду даже требовать ответа на такой вот явно казуистический вопрос: может ли участие в несанкционированном митинге быть одновременно и неповиновением сотруднику милиции? (Новая питерская полицейская технология, позволяющая обойти ограничение срока задержания тремя часами, состоит в том, что задержанным дают одновременно две статьи: участвовал в митинге несмотря на объявленное в мегафон требование разойтись – значит не повиновался.)

Я сейчас о гораздо более простых и очевидных вещах. Во-первых, любой даже не очень интересующийся политикой судья сегодня знает, что отказы в согласовании митингов и шествий политически мотивированы, их обоснования являются откровенным враньем, а часто носят просто издевательский характер. Не замечать этого, делать вид, что это не так, – гражданская и человеческая подłość, а для судьи – подłość еще и профессиональная.

Во-вторых, любой судья знает, что все задержания на митингах проводятся с грубейшими нарушениями действующих законов. Это даже если не рассматривать вопрос об правомерности самих задержаний. Сотрудники милиции обязаны сначала представиться, затем предъявить требования, в случае их невыполнения предложить «пройти». И только в случае отказа подчиниться они могут применить силу. Этого не делается в ста процентах случаев задержаний, которые проводятся как захват особо опасных вооруженных преступников. Игнорировать эти факты для судьи – это также профессиональная подłość.

В-третьих, любой судья знает, что все рапорты и протоколы о задержаниях – липа, фальсификация, подлог. Рапорты пишут не те, кто дежурит на митинге и проводит задержания, а сотрудники тех отделений, куда доставляют задержанных. Пишут по заранее составленным трафаретам, вставляя туда по указанию начальства лозунги, которые якобы выкрикивали участники митинга, и фамилии задерживавших. Пишут, не стесняясь, на глазах у задержанных. Доходит до комических ситуаций, когда, например, еврею принципиалии выкрикивание лозунга «Россия для русских!»

Выявить фальсифицированный характер материалов административных дел по митингам элементарно для любого судьи. Не попытаться это сделать – опять-таки профессиональная подłość. Проштамповывая обвинительные приговоры, судьи покрывают преступную деятельность полицейских властей и сами совершают преступление против правосудия. Независимо от того, какими мотивами они руководствуются: внутренним убеждением в необходимости давить оппозицию любыми способами без оглядки на правовые формальности или просто страхом потерять теплое местечко.

Случаи, когда суды выявляют сфальсифицированный характер материалов административных дел, бывают, но редко. Чаще они возвращают дела в милицию по формальным основаниям из-за процессуальных ошибок в материалах. А повторно дела просто не доходят до суда. Я вполне допускаю, что в некоторых случаях сотрудники отделений намеренно допускают мелкие процессуальные ошибки, как бы давая судьям возможность «отфутболить» дело. Нашелся же в отделении, где ночевал я, милиционер (именно милиционер, а не мент), который вообще отказался составлять липовые документы. Его бурно обсуждали коллеги и начальники: надо же, нашелся умник, один чистенький, а мы тут все...

Но в большинстве случаев судьи предпочитают не замечать очевидного. Не приобщают к делу материалы защиты, отказывают в вызове свидетелей или не принимают во внимание их показания. Подыгрывают мошенникам и мошенничают сами. Как цинично и нагло мошенничал суд, судивший в Москве Льва Пономарева за участие в Дне гнева. Иногда после нескольких обжалований, после муторного хождения по судам более высоких инстанций, потратив массу времени и сил своих собственных и сил своего адвоката, участнику митинга удается доказать свою правоту. Поизмывавшись вдоволь, лохотронная машина как бы отпускает свою жертву. Лично я принял для себя решение: я просто не буду играть в эти игры с лохотронщиками.

Я отказываюсь давать какие-либо объяснения суду. По той простой причине, что нынешнее криминальное новорусское государство со всеми его институтами, включая судебные, не вызывает у меня доверия и уважения. Я не уважаю наш нынешний суд. Это он должен завоевать мое доверие и доказать свое право на мое уважение. Выяснение истины – прямая обязанность судьи. Он обязан это делать по собственной инициативе, не дожидаясь ходатайств адвокатов. И если судья даже не пытается этого сделать в очевидной для всех ситуации, он шулер и подлец. И мне все равно, чем он при этом руководствуется – обычной трусостью или собственными фашистскими убеждениями. Даже убежденный фашист может не быть при этом мелким жуликом.

Я не буду обращаться за помощью к адвокатам, я не хочу отнимать на эту муть время у занятых людей. Я не буду ни о чем просить суд, не буду ничего от него требовать. Я не буду обжаловать никакие его решения. Я просто не буду их выполнять. Я отказываюсь платить назначенные мне штрафы. Пусть штрафуют еще на 100 МРОТ и арестовывают имущество. Это будет моя личная кампания гражданского неповиновения, моя личная демонстрация протesta против трусости, лживости и подлости современной российской власти, современной российской судебной системы. Демонстрация с целью привлечения общественного внимания к проблеме, каковую цель и преследует любая политическая демонстрация. Жду дальнейших санкций.

grani.ru, 11.11.2010

2012

ДУБИНКА НАРОДНОЙ ВОЙНЫ

Сразу по окончании спецоперации по фальсификации президентских выборов лицо, пока еще занимающее пост президента, осторожно намекает на возможность в будущем освобождения политзаключенных, созыва Конституционного собрания, пересмотра отказа в регистрации партиям внесистемной оппозиции и прекращения издевательства властей над заявителями публичных акций протеста (поручение «разобраться с обоснованностью отказов в согласовании»). Что это – очередной обманчивый маневр с целью по-низить остроту первой реакции общества на только что состоявшееся надувательство или начало политики уступок?

Какие уж тут уступки, скажете вы. Вечером того же дня в Москве и Петербурге прошли массовые задержания участников акций протеста немереными силами всех родов оккупационных войск, буквально наводнившими центральные части двух столиц. Только в Питере на Исаакиевской площади задержано 480 человек – невиданная для города цифра! Задерживали и депутатов Законодательного собрания (большинство из них сразу отпускали после проверки документов, а вот депутата от КПРФ Ирину Комолову не отпустили). Практически всех развезенных по отделам полиции оставили на ночь в обезьянниках – в полном соответствии со сложившейся за последние два года практикой (в отличие от Москвы, где, как правило, отпускают под подписку о явке в суд). Отделы переполнены. Не обошлось и без тумаков при задержаниях.

Так вот, товарищи, господа и просто граждане. Ничего особо выдающегося не произошло. Ну, ужас. Но не ужас, ужас, ужас, ужас!!! Власти действовали по обычной, давно отработанной схеме пресечения «несанкционированных акций». Просто акции получились более масштабные, чем обычно. Потому и задержанных больше.

Полиция считает себя вправе, не представаясь и не предъявляя никаких требований, хватать и тащить в обезьянник любого, кто «выражает свое отношение к общественно значимым событиям» (это стандартная формулировка сотен ментовских рапортов, протоколов о задержании и судебных решений) всего лишь физическим присутствием своего тела в месте проведения «несанкционированного публичного мероприятия». Власти так трактуют закон. Не от хорошей жизни. Если они начнут трактовать закон хотя бы чуть-чуть по человечески, у них практически не останется возможности пресекать несогласованные акции. А этого они реально боятся.

Боятся власти вовсе не штурмов государственных учреждений, разбитых витрин и подожженных автомобилей. Наше общество давно доказало свою способность воздерживаться от подобных форм протеста. Боятся «информационного эффекта». Боятся, что, не получая удовлетворительных ответов на подаваемые уведомления, у них просто перестанут спрашивать разрешения. Боятся, что их перестанут бояться.

Что может противопоставить этому общество? Сделать именно то, чего власти боятся больше всего. Перестать бояться. Прекратить ханжеские причитания о недопустимости «представлять людей под дубинки». Задержания, тумаки, обезьянники, административные суды – это будни долгой и нудной борьбы гражданского общества за свои права. И шанс на успех в этой борьбе у него появится лишь тогда, когда обычные граждане

научатся относиться к этому как к рутине, пусть и неприятной, проявлять решимость добровольно и осознанно «подставляться под дубинки».

Именно это и происходит. Профессиональных политактивистов, для которых постоянные задержания давно стали частью образа жизни, в Питере от силы сотня. Остальные задержанные – обычные граждане, отнюдь не живущие «революционной деятельностью». Никогда еще у «службы помощи задержанным», собирающей информацию и развозящей по обезьянянкам «передачки», не было столько работы. Но она с этой работой справляется. Потому что к ней подключились новые люди. Например те, кто был вовлечен в общественную активность в процессе организации наблюдения за выборами. Вот это и есть гражданское общество.

Что, собственно, произошло? В ходе упорных боев местного значения гражданское общество предприняло DDoS-атаку на автозаки, обезьянянки и управляемые суды. И атака оказалась вполне успешной. Число задержанных на несогласованном митинге – такой же показатель политического успеха акции, как число участников митинга санкционированного.

А властям нечего противопоставить обществу кроме ставшей рутинной технологии разгона «несанкционированных акций». Неадекватный нагон всевозможных спецподразделений – не более чем запугивание. В любом случае властям приходится на разгон несогласованных митингов затрачивать несравненно большие усилия, чем обществу на их проведение. И нести несравненно большие издержки. Потому-то власть и начала раздавать пока еще весьма туманные обещания перемен. И только от способности общества продолжать систематическое давление на власть, сочетая санкционированные акции протеста с несанкционированными, будет зависеть, удастся ли превратить обманные маневры режима в начало реальных уступок.

grani.ru, 06.03.2012

ПОСЛЕ ГАНДИ ПОГОВОРИТЬ С НЕВСКИМ

Этот текст – попытка, по возможности избегая эмоциональных оценок, описать сложившуюся в Петербурге практику действий властей в отношении так называемых «несанкционированных митингов». Выглядит эта практика следующим образом.

Сначала городские власти отказывают заявителям публичных протестных акций в согласовании их проведения в заявленном месте под надуманными, а часто просто из-девательскими предлогами. В ряде случаев эти предлоги – например, проведение в заявлении месте какого-либо другого мероприятия, ремонтных либо уборочных работ – являются прямой ложью, либо власти и связанные с ними общественные структуры в спешном порядке сами организуют такие предлоги задним числом. При этом существующая процедура практически не дает организаторам мероприятия шанса оспорить отказ властей в суде в срок до заявленного мероприятия.

Оппозиции неизменно отказывают в согласовании проведения публичных мероприятий в центральной части города в местах, имеющих важное символическое значение в сознании общества. Это прямо указывает на то, что отказы властей политически мотивированы и никак не связаны с теми основаниями для отказа, которые предусмотрены законом. В Петербурге ни для кого не секрет, что прямые указания ни при каких условиях не согласовывать оппозиции шествия по Невскому проспекту и митинги на

Исаакиевской и Дворцовой (наиболее, кстати, удобной для массовых мероприятий – там даже очень значительное скопление людей совершенно не препятствует ни пешеходам, ни транспорту) городские власти получают непосредственно из Москвы.

Необоснованные отказы в согласовании с неизбежностью толкают граждан, резонно полагающих, что их права незаконно нарушены, к выходу на несогласованные акции. В этом случае полиция проводит массовые задержания их участников и предъявляет задержанным обвинение в административном правонарушении, предусмотренном статьей 20.2 КоАП (участие в несанкционированном митинге либо пикете). Рапорты о задержаниях составляются и подписываются в отделах полиции, куда доставляют задержанных, не теми лицами, которые производили задержания. Задержания производятся бойцами специализированных подразделений, которые лишь передают задержанных сотрудникам полиции, дежурящим в полицейских автобусах (автозаках), а сами остаются на месте проведения митинга для новых задержаний. Рапорты же пишутся теми сотрудниками, которые доставляют задержанных в отделы. Лица задерживающих, как правило, скрыты тонированными забралами шлемов. В подобной экипировке нет никакого практического смысла. На митингах оппозиции не отмечено случаев агрессивных действий по отношению к сотрудникам полиции. Зато в случае вызова сотрудников полиции в суд задержанный не может указать тех, кто его задерживал.

Стандартная формулировка обвинения в участии в несанкционированном мероприятии в рапортах, протоколах о задержании и решениях судов: «выражал свою позицию по отношению к актуальным политическим событиям» (как вариант – «выражал свое отношение к общественно значимым событиям»). Публичной формой такого выражения власти всегда считали наличие плакатов и флагов. Но поскольку на несогласованных митингах плакаты и флаги практически не появляются (поднимающих их задерживают в первую очередь), в последние несколько лет типовым доказательством, подтверждающим участие задержанного в несанкционированном митинге, стало скандирование лозунгов. При этом сотрудники полиции во время задержаний не различают тех, кто действительно скандирует, и тех, кто стоит молча (да это и чисто технически весьма затруднительно). Суды же практически всегда признают свидетельства сотрудников полиции «непротиворечивыми и логичными», а опровергающие их показания задержанного либо вызванных им очевидцев отмечаются как «занинтересованные».

Таким образом, любое публичное выражение политических взглядов без письменного разрешения городских властей даже в форме молчаливого стояния в месте проведения «несанкционированного митинга» автоматически оказывается административным правонарушением, предусмотренным статьей 20.2 КоАП. При этом власти РФ полностью игнорируют принятое еще два года назад решение Европейского суда о том, что присутствие гражданина на несогласованном публичном мероприятии и выражение им своих взглядов само по себе не может являться основанием для задержания, если он не совершил иных действий, составляющих нарушение общественного порядка.

Также следует отметить, что при такой практике оказывается совершенно невозможно отличить человека, который специально пришел выразить свое «отношение к актуальным событиям», от прохожего, случайно оказавшегося в месте проведения «несанкционированного митинга». Примеров задержания таких случайных прохожих достаточно много.

Уже более двух лет в Петербурге практически всем задержанным на «несанкционированных митингах» наряду со статьей 20.2 (участие в несанкционированном митинге) вменяется и статья 19.3 КоАП (неповинование законным требованиям сотрудников полиции). Основанием для предъявления этого обвинения полиция (а вслед за ней и суды) считает отнюдь не отказ подчиниться требованию «сотрудника» проследовать в автозак.

Достаточно того, что задержанный находился в месте проведения «несанкционированного митинга» после требования это место покинуть. Таковым власти считают требование какого-либо сотрудника полиции, объявленное через мегафон и обращенное к неопределенной группе лиц, которую полиция посчитала «участниками несанкционированного митинга».

После объявления этого «требования» сотрудники полиции считают себя вправе хватать любого, кто находится в «месте проведения», никому не представляясь и не предъявляя никаких требований лично, что на самом деле они обязаны делать по закону. Часто (хотя и не всегда) задержания сопровождаются совершенно необоснованным, избыточным применением силы. При этом сама законность требования покинуть не закрытую для посещений и неогороженную территорию судами даже не рассматривается.

По статьям КоАП, предполагающим в виде санкции только штраф (как статья 20.2), можно задерживать на срок не более трех часов. А вот статья 19.3 кроме штрафа допускает и административный арест до 15 суток. По таким статьям можно задерживать на 48 часов. Закон не обязывает сотрудников полиции поступать именно так. Он лишь «разрешает» это. В принципе любой дежурный по отделу полиции вправе самостоятельно решить, оставлять ли задержанного в отделе или отпустить его сразу после составления протокола под подписку об обязательстве явиться в суд по повестке. С тех пор как задержанным на «несанкционированных митингах» в Петербурге к статье 20.2 стали добавлять статью 19.3, всех их неизменно оставляли в отделах на ночь и уже на следующий день везли в суд. Дежурные по отделам неоднократно признавались задержанным: «не мы это решаем», «от нас это не зависит». Когда задержанных оказывается достаточно много, камеры временного содержания в отделах оказываются переполнены, а на следующий день людей часами держат в автозаках перед зданиями судов.

Описанной схеме и городские власти, и полиция, и суды неукоснительно следуют вот уже несколько лет. Отсюда можно сделать однозначный вывод: все это не является самодеятельностью отдельных держиморд. Недвусмысленные указания, как истолковывать закон и как его применять, идут с самого верха.

В заключение необходимо подчеркнуть: те безобразия, которые учинил 5 марта на Исаакиевской площади новый главжандарм города Умнов, не выходят за рамки вышеописанной практики и отличаются лишь масштабами, поскольку людей на «несанкционированный митинг» вышло больше, чем обычно.

grani.ru, 08.03.2012

СОБРАНИЕ ПОДЧИНЕНИЙ

24 марта в Петербурге прошли шествие и митинг протеста против фальсификации итогов голосования 4 марта. Организаторы – «Другая Россия», «Солидарность», «Молодежное Яблоко», «Национальные демократы», ряд леворадикальных групп, студенческие союзы, возникшие в ходе последних выборных кампаний ассоциации наблюдателей. Партии системной оппозиции в этот раз активного участия в акции не приняли, хоть и были приглашены. Все они после выборов оказались слишком заняты своими внутрипартийными делами. И тем не менее, несмотря на усталость и уныние, охватившие значительную часть активных граждан, в мероприятии приняли участие от 2 до 3 тысяч человек.

Это была первая крупная согласованная властями публичная акция после масштабного разгона собрания граждан на Исаакиевской площади 5 марта. Кстати, согласовали

ее на этот раз легко и быстро, без обычного бодания по поводу места и маршрута. Вот только за два дня до шествия произошел некий инцидент.

По закону организаторы митинга или шествия имеют право публично распространять информацию о намеченном мероприятии и агитировать за участие в нем. Активисты участвующих в подготовке акции организаций решили реализовать это свое право в форме информационно-агитационного велопробега. И были блокированы полицией в месте сбора. Около половины собравшихся были задержаны и, как обычно, провели ночь в обезьяннике с двумя статьями КОАП: нарушение порядка проведения публичного мероприятия и неповиновение законному требованию сотрудника полиции. Основание – наличие у собравшихся белых надувных шариков с надписью «Меня надули». То есть проведение несанкционированного митинга.

Маразм? Нет! Именно так далеко не первый год интерпретируют законодательство о публичных акциях политического характера и гражданские власти российских городов, и органы МВД, да и суды в девяти десятых случаев.

«Правовая», с позволения сказать, логика властей такова. Федеральный закон №54 определяет митинг как «массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера». Значит, публичное выражение мнения по общественно-политическим проблемам в количестве более чем одного человека есть признак участия в митинге. Организатор публичного мероприятия не вправе его проводить без согласования с местным органом власти (согласования не требует только одиночный пикет). Отсюда по умолчанию считается, что любой участник публичного мероприятия, проводимого без согласования, совершает административное правонарушение, предусмотренное статьей 20.2 КОАП (нарушение установленного порядка проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования).

Четкого, исчерпывающего перечня присущих именно публичной акции форм выражения мнения в законе нет. Задержанным на несанкционированных митингах в качестве правонарушения обычно инкриминируется либо скандирование лозунгов, либо наличие плаката политического содержания. Но при случае средством недозволенного выражения мнения полиция и суды считают любой предмет, несущий какую бы то ни было политическую смысловую нагрузку хотя бы ситуативно. Еще в 2007 году в Петербурге хватали за белую гвоздику в руках. Так что задержания за шарики и ленточки не такое уж новшество.

Проведение публичных акций регламентируется в любом государстве. Но в государстве правовом целью такой регламентации является сведение к минимуму тех помех, которые любая публичная акция неизбежно создает для других граждан. Не допустить нарушения их интересов. Не допустить нарушений общественного порядка в ходе акции. Чтобы митингующие не препятствовали движению транспорта и не вытаптывали газоны.

Наши же власти видят свою задачу в том, чтобы не допустить выражения гражданами своего мнения в общественном месте без письменного на то разрешения. Публичное выражение мнения без специальной бумажки с печатью само по себе и есть для них нарушение общественного порядка. Это, собственно, и называется полицейским государством. А по логике полицейского государства вполне правомерно хватать человека, когда он в месте проведения несанкционированного митинга дает интервью. Он же не просто так с журналистом разговаривает. Он же ему свое мнение по общественно-политическим вопросам выражает без разрешения. А раз их двое – уже не одиночный пикет.

Кстати, об одиночных пикетах. Власти с невероятным упорством их срывают путем организации всевозможных провокаций. И это тоже вполне укладывается в их полицейскую логику. Ну не должен гражданин нерегламентированно выражать свое мнение.

Обычному гражданину малоинтересна юридическая казуистика. Ему просто нужно, чтобы на улице не хватали за шарики и ленточки. А нужно ли для этого изменить законодательство или всего лишь его интерпретацию властями – дело десятое. Но нынешняя практика должна быть изменена в любом случае. Даже если для этого понадобится изменить весь общественный и государственный строй.

Борьба за это не будет легкой. Депутатские запросы в различные суды и прокуратуры в этой борьбе нужны и важны. Но вес им может придать лишь способность обычных граждан отстаивать свое естественное право. Способность продемонстрировать, что они будут выражать свое мнение несмотря на автозаки и обезьянники. И будут заставлять власть каждый раз публично демонстрировать, что она держит людей в обезьянниках за шарик. За ленточку. За гвоздику. То есть ни за что. И что это абсурд.

У нас есть место, где каждый может публично выразить свое несогласие с этим абсурдом. Продемонстрировать, что он не боится автозаков и обезьянников. Заставить власть еще раз продемонстрировать абсурдность своих действий. И для этого не нужно никакой специальной информационной подготовки. Потому что про это место знает каждый, кого проблема свободы сорбаний хоть как-то кольышет. Это Триумфальная в Москве и Гостинка в Петербурге. Каждое 31-е число. В 18.00.

Здесь не бывает затяжной дележки мест в очереди к микрофону. Полиция заботится о том, чтобы не было ни микрофона, ни очереди к нему. Это место не принадлежит ни одной политической организации, ни одному идеологическому течению. Оно принадлежит всем нам. И это место встречи изменить нельзя.

grani.ru, 28.03.2012

ОБЩЕСТВО ИМЕЕТ ПРАВО НА ЖЕСТКИЙ ОТВЕТ

Столкновение 6 мая было неизбежно независимо от того, готовил ли его кто-то специально. Но неизбежным его сделали исключительно власти. И не по глупости. Все действия властей по отношению к протестующим с самого начала были сплошным издевательством над ними, постоянным их унижением. Целенаправленным. Так уголовники, тюремщики и армейские деды сламывают волю своих жертв к сопротивлению, стремятся заставить их пасть духом, покориться, смириться. В данном случае – смириться с тем, что их нагло обжулили и обворовали на выборах.

Был у властей и мотив страха. Разумеется, не того, что демонстранты возьмут штурмом Кремль. На это сил у нас нет. Пока нет. Но власти всерьез и не без оснований смертельно боятся того, что какая-либо из акций протesta перерастет в бессрочную. А вот бессрочный митинг действительно может стать точкой кристаллизации протестных настроений, которые сейчас все еще распылены и фрагментарны. И вот тогда может сработать эффект снежного кома.

Но чтобы не допустить перерастания вчерашнего митинга в бессрочный, властям было совершенно не нужно так изыматься над его участниками и перед ним, и во время его проведения. Так что задача унижения была вполне самостоятельна. И если бы властям действительно удалось заставить людей вновь испытать липкое чувство, что их опять нагнули, что они ничего не могут, это несомненно способствовало бы дальнейшей деморализации протестного движения. Именно так властям удалось добиться падения

численности протестных акций между выборами. Но тем самым власти просто не оставили протестному движению иного выбора, кроме как наконец отказаться подчиняться тюремному режиму и ходить по кругу руки за спину. Люди шли на митинг как на свой «последний и решительный». Может, и не все были внутренне готовы к силовому противостоянию, но процент таких был на порядок больше, чем на первых «болотных» митингах.

В результате оппозиция своей цели достигла, а власть нет. Общество продемонстрировало, что с воровской узурпацией власти оно не смирилось, а власти показали себя озверевшей сворой оккупантов и уголовников. Узурпатор въехал в Кремль весь в дерьме. И от этого дерьма он не сможет отмыться.

Протестное движение смогло преодолеть серьезный психологический барьер: не только ужас перед дубинками, но и то, что можно назвать «комплексом законопослушности». А еще – надежду на то, что всего удастся добиться по-хорошему, улыбками и шариками. Не получится. Будут еще и дубинки, и сломанные руки, и разбитые в кровь лица. И чтобы добиться успеха, с этой мыслью надо свыкнуться. Как и с мыслью о том, что общество имеет право на жесткий ответ. И вот тогда уже можно принимать на себя «социалистические обязательства». Для начала: шестилетку Путина – в два года! А дальше бороться за перевыполнение плана.

grani.ru, 07.05.2012

ПРО ШЕСТЬИЕ ВРЕМЕНИ

Радуйтесь, страшасиеся революции! Ликуйте, опечаленные тем, что мирный, ненасильственный, интеллигентный, доброжелательный, веселый протест сменился озлоблением, непримиримостью и силовым противостоянием с полицией. В Москве вновь состоялась грандиозная, абсолютно мирная, интеллигентная, светлая, радостная, «законопослушная» демонстрация протеста. И это прекрасно. Вот только без мрачного 6 мая ее бы не было. И она вовсе не была «законопослушна».

То есть она вполне законопослушна с точки зрения 31-й статьи Конституции. В той же мере, в какой были законопослушны все митинги на Триумфальной или жестоко разогнанный сбор граждан на Исаакиевской площади в Петербурге 5 марта. Но по логике полицейских властей, по той логике, которой власти неуклонно следовали все последние месяцы и даже годы, эта манифестация была абсолютно противозаконна. Именно за это вплоть до последних дней безостановочно винтили людей, а потом штамповали им обвинительные постановления «судов». За скопице без санкции с целью выражения мнения. Выражения в любой форме – хоть ленточкой на одежду, хоть самим фактом присутствия. И вдруг полиция каким-то чудесным образом осознала, что все это время она действовала неправильно.

На самом деле никакого чуда не произошло. Просто власти впервые столкнулись с по-настоящему массовым и упорным неповиновением. А подвели к нему общество сами власти.

К 6 мая большинство рассерженных граждан пребывало в глубоком унынии. Свыклись с мыслью, что энергия протеста выдохлась и предстоит новый длительный период апатии. Шло на митинг как бы в последний раз. Как на финальный акт проигранной кампании. Власти декорировали этот финальный акт по первому разряду. Узкая слепая кишка Болотной набережной, в которую должны были загнать демонстрантов под кон-

вом полчищ «космонавтов», символизировала тупик протестного движения. Его окончательное поражение.

Расчет властей был по-своему логичен и казался беспрогрызным. Скорее всего протестное движение смирился с тем, что коридор возможностей для него сузился до размеров слепой кишки, окончательно падет духом и сдуется – на следующий такой митинг просто никто не придет. Если же протестующие все-таки попытаются не повиноваться конвойным, то получат показательную порку и выходить на новые акции станут просто бояться – то есть опять-таки движение сдуется. Как и многие умеренные оппозиционеры, власти исходили из того, что радикализация протеста автоматически означает его маргинализацию: ведь если движение радикализируется, от него должны отходить более умеренные.

Но все пошло не так. Люди боялись, что их придет совсем мало, и поэтому их пришло неожиданно много – чтобы не выглядеть уж совсем позорно. И когда они увидели, сколько их, они испытывали прилив сил. И присутствовавшее у многих подспудное, часто неосознанное желание хоть напоследок не прогнуться, сказать «им» нет, встать поперек горла обрело устойчивость. И показательная порка не запугала.

До 6 мая число несогласных, не боящихся получить по башке и посидеть в обезьяннике, устойчиво держалось на уровне тысячи завсегдатаев Триумфалки. 6 мая их число взросло многократно. И последовавшие затем «просто гуляния» без флагов, плакатов, даже без скандирования, а всего лишь с ленточками были отнюдь не менее радикальной формой протеста, чем отказ разойтись участников несостоявшегося митинга на Болотной. Это был такой же акт демонстративного неповиновения – неповиновения негласно введенному оккупантами закону «больше трех не собираться».

Несанкционированное шествие нескольких десятков тысяч москвичей по Бульварному кольцу было более радикальным действием, чем отказ разойтись с санкционированного митинга. Оно было проведено вообще без подачи уведомления. Явочным порядком. А вот участвовала в этом шествии в основном умеренная часть протестующих. Та, которая и хотела, чтобы протест всегда оставался мирным, спокойным, интеллигентным, светлым и веселым. Радикализация произошла, а маргинализация – нет. Умеренные радикализировались.

Мечтающие о «добром протесте» должны осознать: без разгона 6-го и доведенного до абсурда «внитилова» 7-го на шествие 13-го никогда не вышло бы столько людей, возмущенных абсурдностью полицейского насилия и переставших его бояться. И не надо противопоставлять 6-е 13-му. И расслабляться тоже не надо. Кремлевские именно этого и ждут. Ждут, что вы выпустите пар, утешитесь и расслабитесь. Успех очень частичен и не закреплен. Закон «больше трех не собираться» отнюдь не отменен, а лишь однократно непущен в ход. Уж кто-кто, а уважаемый автор историко-детективного фэнтези должен знать, что ни о каких серьезных сдвигах говорить нельзя, пока из лап режима не вырваны политзаключенные и не прекращены репрессии. Так что говорить о расширении поля для диалога преждевременно.

Репрессивный потенциал путинского режима далеко не исчерпан. И когда кремлевская клика убедится, что протестное движение не спадает, несмотря на ее хитрый маневр, она обязательно попытается вернуться к практике тупого насилия. И к этому надо быть готовым. Надо быть готовым продолжать неповиновение. Именно оно заставило оккупационный режим в первый раз чуть-чуть попятиться. Только оно заставит его отступить и в следующий раз. А вот тем, кто призывает закончить протесты и заняться «конструктивной работой», следует ответить: не дождется!

grani.ru, 14.05.2012

ДВА НАПЕРСТКА

Пока умеренно-либеральные общественные деятели увлеченно обсуждают перспективы расширения пространства диалога с властью, сама власть действует старым добрым методом кнута и пряника. То разгоняет, то не разгоняет. То принимает закон, фактически упраздняющий свободу собраний, то предлагает протестующим некий Гайд-парк. А глубокомысленные аналитики все пытаются уловить исходящий от Кремля сигнал.

Сигнал на самом деле прост. Путинско-медведевский режим жуликов и воров добивается от оппозиции вполне определенной вещи: оппозиция должна списать ему последние выборные косяки. Сделать вид, что ничего не было. Молчаливо признать: «Проехали. Выборы закончены. Забудьте». Начать действовать «в рамках сложившихся реалий».

Принятие этого условия самоубийственно для оппозиции и губительно для страны. Таким образом оппозиция своими руками поможет легитимизации и стабилизации режима жуликов и воров. Вопрос о смене власти будет как бы отложен до очередных выборов. На самом деле это окончательно сделает невозможной смену власти через выборы. Фальсификация любых следующих выборов будет гарантирована стопроцентно. Сломать выстроенную и отлаженную машину фальсификаций можно, лишь признав факт фальсификации последних выборов, расследовать случаи фальсификаций и наказав виновных, причем не символически. В противном случае эта машина будет работать в самопроизвольном режиме.

Путинско-медведевский режим – это режим фальсификации протоколов. Выборных протоколов, полицейских протоколов. Неразрывная связь одного с другим теперь уже совершенно очевидна. Когда недовольство граждан не может найти выхода через избирательные urnы, оно естественным образом ищет выхода на улицах и площадях. Правящая клика жуликов и воров заблаговременно выстроила глубоко эшелонированную систему плотин, призванных не позволить массовому недовольству найти такой выход при формальном признании свободы собраний. С далеко не совершенным федеральным законом 54 о митингах и собраниях еще можно было бы как-то жить, если бы власти постоянно с ним не жульничали. Если бы не отказывали в согласовании под лживыми предлогами, не хватали людей без законных оснований и с грубым нарушением предусмотренной законом процедуры, не составляли задним числом лживые протоколы, приписывая задержанным то, чего они не делали.

Игру в наперстки с законом власти довели до предела «изящества», считая участием в несанкционированной акции ленточку или значок на одежде, шарик в руках, какую бы то ни было символику на футболке или сумке, если ей можно приписать общественно-политический смысл.

Поправки к законодательству о публичных акциях (которые несомненно будут приняты) логически завершают всю эту систему наперсточничества и полицейщины, прямо узаконивают сложившуюся практику беззакония. По белорусскому образцу власти получают легальную возможность по своему полному усмотрению объявлять любое присутствие любой группы граждан в определенном месте в определенное время несанкционированной акций, а значит – разгонять и задерживать. Теперь по отношению к «контрольной прогулке писателей» полиция сможет действовать так же, как она действовала 6 мая.

Эти поправки и появились-то именно в связи с «прогулкой писателей». Власти последовательно создают все новые затруднения для мирного выражения протеста: не дают согласования, произвольно меняют уже согласованные условия проведения акции, превращают согласованные акции в прогон побежденных под копьями (в более знакомой

и понятной для России уголовной культуре подобная процедура именуется иначе). Протестное движение ищет выход из «болотного тупика», находит новые формы, не подпадающие не только под действующие законы, но и под их действующее «расширительное» толкование. А значит – не требующие согласования. Власти в ответ придумывают новые законы, перекрывающие эти каналы выражения протеста.

И не стоит обольщаться по поводу ответа Генпрокуратуры на запрос питерского депутата-яблочника Александра Кобринского. Да, прокуратура признала неправомерным предъявление задержанным на несанкционированных акциях статьи о «неповиновении» только за то, что они не ушли после требования разойтись. Новые размеры штрафов за «участие» делают эту любимую игрушку полиции для властей излишней. Кроме того, в случае надобности никто не помешает лжесвидетелям-ментам, как они делали это раньше, рассказывать, что они трижды представлялись задержанному и просили его проследовать с ними, а он отказывался, то есть не повиновался. «Суд», как всегда, сочтет их показания правдивыми и непротиворечивыми. Способность нашего «суда» не видеть даже видеозаписи общеизвестна.

Эта система полицейских махинаций не может быть реформирована изнутри в рамках действующих процедур. Так же, как и система фальсификации выборов, она может быть только сломана. Причем сломаны эти две взаимосвязанные и взаимодополняющие системы могут быть только вместе. Только через смену власти. А смена власти может произойти только в результате массовой и длительной кампании гражданского неповиновения. Когда на улицы выйдут уже не десятки и даже не сотни тысяч, а действительно миллионы. Когда им будут отказывать в согласовании, а они будут выходить в форме «прогулки писателей». Их все равно будут разгонять. Дубинками, водометами, газом. Они не будут сопротивляться. Просто на следующий день соберутся снова в том же количестве. И так до тех пор, пока кремлевские наперсточники не сложат полномочия либо не назначат досрочные перевыборы. Вот тогда эти перевыборы могут пройти честно.

Это единственно возможный путь смены власти смены самой наперсточной системы. Пройти этот путь быстрее и безболезненнее нам может помочь существующая сегодня оппозиция. Если она предложит гражданскому движению четкую общую цель и линию поведения. Если левые и правые, системные и внесистемные, умеренные и радикальные согласятся между собой и объявит:

1. Наша цель – смена режима кремлевских наперсточников.
2. Для ее достижения мы намерены вывести на улицы миллионы.
3. Диалог с режимом кремлевских наперсточников возможен только об особом порядке расследования фальсификации прошедших выборов и проведения выборов досрочных.
4. Освобождение политзаключенных и прекращение репрессий против участников протестов – не предмет диалога, а его предварительное условие.

5. Кроме программы политических реформ оппозиции нужна минимальная общая социально-экономическая программа. Борьба против коммерциализации образования или захвата общежитий не менее важна, чем борьба за свободу собраний.

А вот желающим «расширять пространство для диалога с властью» прямо сейчас, «в рамках сложившихся реалий», следует вежливо, но твердо сказать примерно вот что. Вы все очень хорошие люди и, конечно же, хотите только добра. И вы обязательно еще нам понадобитесь. В качестве посредников, переговорщиков, миротворцев. Когда власть для переговоров печенкой созреет. Для переговоров о сдаче власти. Поберегите себя для этого момента. Отдохните пока в сторонке.

grani.ru, 24.05.2012

ВЫХОДНАЯ РАБОТА

Крик души Аркадия Бабченко одни расценили как истерику, другие – как тонкую провокацию, призванную разозлить робких, заставить их броситься доказывать, что все не так. Но если в том, что пишет Бабченко, разобраться спокойно, то надо признать: да, этот раунд оппозиция проиграла. И в Мосгордуму ее никто не пустит, потому что не была поколеблена машина выборных фальсификаций. И политзеки будут сидеть, потому что полностью сохранилась машина полицейско-судебного произвола, позволяющая властям по желанию выворачивать наизнанку любой закон.

Что из этого следует? Только то, что надо переходить к следующему раунду. Значит ли это, что «любое толкание с ментами на Лубянке уже бессмысленно»? Нет, не значит. Вот что прогнозирует Илья Константинов:

Вариант первый. Собирается от 2 до 3 тысяч самых отчаянных активистов. ОМОН подавливает, рассекает, хватает самых засвеченных, несколько молодых людей получают по голове. Официальные СМИ с удовлетворением констатируют, что народ не поддался на провокационные призывы грузинских шпионов и остался недвижим, то есть верен «гаранту». С протестами покончено, за работу товариши! На какое-то время протестное движение действительно уйдет в тень, пока новый случай дикого произвола властей не всколыхнет стотысячные толпы.

Вариант второй. Собирается 10-15-20 тысяч москвичей, возмущенных нарушением их законного права на свободу как таковую. Власти растеряны, ОМОН побаивается крупной заварухи и ведет себя сдержанно. То тут, то там возникают стихийные митинги, которые силовикам с трудом удается локализовать... Нет, конечно, через некоторое время люди устанут и начнут расходиться, и тогда смотрите вариант первый. Но ощущение сплоченности останется. Останется и гордое предчувствие грядущей победы.

В одном я с Ильей Константиновым не согласен. В нынешней ситуации власти, если захотят, вполне могут решиться жестко разогнать и 20-тысячную толпу. Даже если толпа будет строго придерживаться формата акунинской «контрольной прогулки писателей», то есть люди будут без флагов и плакатов, не будут ничего скандировать и говорить речи. Будут просто гулять без каких-либо формальных признаков публичной акции. «Фараоны», если захотят, всегда «посмотрят» признаки публичной акции, а боровковско-сыровские суды завизируют. Не зря же дурацкие депутаты нашей смешной думки трудились над своими «веселыми законами».

Да, сегодня власти могут решиться жестко разогнать новую мирную двадцатитысячную «прогулку писателей». И похватать тысячу человек. Что это будет означать?

Тысяча задержанных в центре Москвы за «ничегонеделание» – это громкий политический скандал, который надолго заполнит информационное пространство. Это серьезные репутационные потери для власти. Это перегрузка полицейско-судебной машины, от которой она будет выть. А теперь представьте себе, как московские суды будут выносить тысячу решений о тридцатитысячных штрафах. Еще более громкий скандал? Или спустят подавляющее большинство дел на тормозах? В любом случае – публичное унижение власти. А теперь представьте себе еще, что ситуация повторилась через месяц...

Тысяча задержанных в центре Москвы на заведомо несогласованной акции – это не только демонстрация готовности властей ни с кем и ни с чем не считаться. Это демонстрация силы оппозиции. Это демонстрация процента людей, чья решимость отстаивать свободу достаточна для того, чтобы они не боялись дубинок, задержаний и многотысячных штрафов.

Сила протестного движения измеряется не только его массовостью. Еще – упорством и решимостью. Упорство – это готовность тупо выходить еще и еще, несмотря на то что власть раз за разом вытирает о тебя ноги. Решимость – это готовность идти на неприятности. На жертвы. Когда единственным доступным способом дать отпор оккупантам и постоять за будущее своих детей становится тупо дать себя завинтить. Чтобы на одну единицу приблизить число задержанных к тысяче, которая встанет у них поперек горла.

Степень решимости у каждого своя. Количество людей, готовых выходить на согласованные акции и на несогласованные, – это величины разные. Но связанные друг с другом, хотя и не прямо. Их соотношение зависит от степени внутренней мобилизации протестного движения, а эта степень может варьировать. Тем не менее всем понятно, что если 20 тысяч вышли на несогласованную акцию, на которой задержали тысячу, – это равнозначно тому, как если бы на согласованную акцию вышло 200-300 тысяч. Это понимает общество, понимает и власть. Тысяча задержанных ни за что – это мощный рычаг давления на власть. Влияния на власть. Ау! Кто-то там очень хотел влиять на власть? Вот и влияйте. Другого рычага власть вам на сегодняшний день не оставила.

Сколько нужно, чтобы режим психологически сломался? Чтобы один раз вышел миллион? Чтобы 100 тысяч выходили каждый месяц в течение года? Чтобы 20 тысяч 2-3 раза вышли несогласованно? Или чтобы 10 тысяч вышли несогласованно 5 раз? Где необходимо для успеха сочетание численности, решимости и упорства?

Чего не хватило белоленточному движению? Если бы в самом начале понадеялись только на решимость, для победы не хватило бы численности. Повторю: идти на таран год назад было нельзя. Ядро, готовое действовать без оглядки на власть, составляло по Москве тысяч десять. Майдан не набрал бы критической массы и захлебнулся бы на второй, максимум третий день. Ставка на наращивание массовости в рамках разовых согласованных акций была сделана правильно. Но набранной массы для быстрой победы все равно не хватало, а для длительного ее поддержания у «расправившего плечи хомяка» не хватило упорства. Многие, по выражению Марии Бароновой, решили «взять временный перерыв Пивоварова-Костомарова-Расторгуева». И может статья, что на «прогулку писателей по Лубянке» не придет не только 10, но и 2 тысячи. Задержат человек 100, которые точно поперек горла режиму не встанут.

Что это будет означать? Точку в протестном движении, как уже возвестил Леонид Радзиховский? Останутся, по его выражению, только лимоновские «ритуальные мероприятия»? А между тем был момент, когда эти «ритуальные мероприятия», о которых сегодня Радзиховский отзыается с таким пренебрежением, поставили режим на грань паники. Тогда на Триумфальную несанкционированно выходило по 2 тысячи человек. Вышло бы пару раз по 5 тысяч (при обильном участии респектабельных статусных фигур) – и таки отдали бы эту площадь под гайд-парк.

Тогда не получилось. И все же именно Стратегия-31 в значительной степени подготовила декабрьский натиск. Дала пример, традицию, символ, стартовое место сбора. Так что «толкание с ментами на Триумфальной» не было бессмысленно. Сейчас пятью тысячами дело не обойдется. Ставки намного выше. Речь идет не об отдельно взятой 31-й статье, а о гораздо более важных для правящей клики вещах. Но поддержание традиции открытого демонстративного неповиновения будет готовить почву для нового натиска. Будет неотвратимо подтасчивать основы авторитарной системы, поскольку, как пишет Илья Константинов, «основой там является безоговорочное повиновение «черного люда», то есть нас с вами. Гражданское неповиновение смертельно опасно для авторитаризма. И длительное время сосуществовать с ним он не может».

grani.ru, 14.12.2012

СТРАТЕГИЯ-17

Суть войны, которую путинский режим уже больше десяти лет ведет против общества по поводу свободы собраний, сводится к двум основным моментам:

1. Власть стремится обеспечить себе возможность не согласовывать (то есть фактически запрещать) любую массовую уличную общественно-политическую акцию по полному своему усмотрению и исходя из своих исключительно политических интересов. Просто потому что власть не хочет, чтобы данная акция состоялась.

2. Власть стремится перекрыть любую возможность гражданам без предварительного разрешения публично выражать свое отношение к актуальным общественно-политическим проблемам в любой форме. Вплоть до ношения футболки с лозунгом, хождения с белым шариком или просто стояния на тротуаре в определенном месте в определенное время.

Выстроенная Путиным за это время система подавления свободы собраний базируется на трех элементах:

1. Фактически запретительное законодательство, которое становится все более запретительным.

2. Правоприменительная практика, растягивающая до полной безразмерности трактовку намеренно нечетких положений закона, позволяющих властям запрещать, пресекать, хватать и осуждать.

3. Прямые нарушения властями даже собственных законов, которые послушные суды отказываются видеть. От незаконных отказов в согласовании до фальсифицированных рапортов о задержаниях.

Отказы в согласовании оппозиционных митингов и шествий в заявленных местах и по заявленным маршрутам, отказы под совершенно надуманными или откровенно лживыми предлогами являются системой уже много лет. Циничная игра, которую власти ведут с оппозиционерами, выглядит так. Мы, конечно, можем на десятый раз снизойти и разрешить вам помитинговать в заявлном месте. Но девять раз вы как миленькие пойдете митинговать «на выселки». А не пойдете – всех завинтим. Намучаетесь потом по европейским судам пыль глотать, доказывая свою правоту и высуживая компенсацию за незаконное задержание. И то не факт, что заплатим. Нам Конституционный суд разрешил не выполнять решения международных органов.

Действия властей беззаконны и подлы, но они рационально мотивированы, сознательны и достаточно эффективны. Они имеют четкую цель: психологическое подавление протеста. Выработку в обществе на уровне рефлекса чувства абсолютного бессилия перед государственной машиной. Цель – вызвать уныние и апатию, чтобы на согласованный на десятый раз митинг идти уже не захотелось. Пропустив через систематические унижения, сломить волю к сопротивлению.

Прямую ответственность за беззаконные и подлые действия властей несет Кремль. Хотя бы потому, что он имеет тысячу инструментов, чтобы послать своим подчиненным сигнал прекратить практику незаконных отказов, незаконных задержаний и фальсификации полицейских протоколов. Поэтому надо четко представлять себе: мы противостоям не безобразиям местных держиморд, а осознанной и рационально мотивированной

воле «самого главного». Поэтому бесполезно увещевать и взывать к разуму. Осознанную иrationально обоснованную волю можно только переломить, противопоставив ей собственную волю. Обеспечив власти неприемлемые для нее морально-политические издержки от продолжения запретительно-разгонной политики.

До сих пор все крупные сражения в этой войне общество режиму проигрывало. И каждое новое сражение требовало от оппозиции для победы больших ресурсов, чем предыдущее. Но оппозиция уклонялась от того, чтобы их задействовать. Так, в разгар Стратегии-31 для победы было достаточно массового выхода на Триумфальную культурно-политического «бомонда» оппозиции. Но он, за редкими исключениями, предпочел дистанцироваться от «радикалов» и «мargиналов». Теперь «сцена вопроса» гораздо выше.

Частичные успехи, которых достигало общество, не были закреплены, и потому все завоеванные позиции быстро утрачивались. Легальное пространство протеста более десяти лет неуклонно сжимается. Переломить эту тенденцию можно будет лишь в том случае, если от власти удастся добиться формального признания ее неправоты. Признания в том, что в согласованиях отказывали необоснованно. Что полицейские рапорты фальсифицировались. Что, перефразируя «самого главного», не факт, что надо было хватать людей, которые никому не мешали и ничему не угрожали.

Тем же представителям «культурной элиты», которые после долгих лет молчания решились, наконец, призвать к сдержанности и диалогу «обе стороны», хорошо бы помнить: некрасиво и неэстетично возлагать равную ответственность на насильника и его жертву. Заставить власть отступить можно будет только тогда, когда в общественном мнении сформируется однозначное осуждение полицейского насилия, сочувствие к его жертвам и их поддержка. На это и должна быть направлена Стратегия-17.

granit.ru, 30.03.2017

ЧЕГО НЕ ДОГОВАРИВАЮТ ФЕДОТОВЫ

Михаил Федотов наконец-то заметил то, о чем уже много лет стоит стон по всей Руси великой. Полицейские протоколы и рапорты о задержаниях во время так называемых несанкционированных акций написаны под копирку. Выводы, которые делает Михаил Федотов, тоже вполне революционны: законодательство о митингах надо менять.

Как изменения в законодательстве могут помешать полицейским вратить в протоколах и рапортах, а судьям – не замечать этого вранья? Федотов предлагает установить правило, что главным доказательством вины задержанного является не полицейский протокол или рапорт, а видеозаписи. Чтобы судьи не могли эти видеозаписи игнорировать. И не имели бы возможности на слово верить полицейским.

Спору нет, если судьи не смогут игнорировать видеозаписи и на слово верить полицейским, это будет выдающимся завоеванием демократии. Но только главная проблема не в том, что в протоколе и рапорте написано «выкрикивал лозунги, размахивал руками, мешал проходу граждан, сопротивлялся сотрудникам полиции при задержании», когда на самом деле задержанный молча стоял на тротуаре, никому не препятствуя пройти мимо. А когда двое сотрудников полиции, не предъявляя ему никаких требований, просто подхватили его под руки и повлекли в автозак, покорно последовал за ними, даже не спрашивая за что. Проблема в том, можно ли хватать человека под руки и тащить в автозак просто за то, что он молча стоял на тротуаре.

Проблема в том, что законодательство действительно разрешает хватать людей только за то, что они молча стоят на тротуаре. Если полиция полагает, что эти люди имеют

умысел своим стоянием «публично выразить отношение к общественно-политическим проблемам». Законодательство рассматривает как правонарушение не какую-либо конкретную форму этого «выражения» и не то, насколько это «выражение» создало реальные помехи проходу других граждан, а сам факт «выражения без согласования». Выражал – уже значит участвовал в несанкционированной акции.

Все нынешнее законодательство о митингах нацелено на то, чтобы воспрепятствовать гражданам публично выражать их отношение к общественно-политическим проблемам. На то, чтобы заткнуть им рот. Потому-то и задерживают за прогулку с шариками, на которых написано «Меня надули». Или за совместное раскрытие зонтиков в знак поддержки телеканала «Дождь». Ведь явно был умысел «выразить».

Полицейское вранье и нежелание судов его замечать – лишь следствие торжества этого принципа. Судье совершенно не важно, выкрикивал ли задержанный что-либо и размахивал ли он чем-либо. Чтобы осудить его, достаточно того, что он там был. Неизбежным следствием торжества этого принципа являются и задержания во время несогласованных акций случайных прохожих. У них же на лбу не написано, что у них нет умысла «выразить».

Неизбежным следствием торжества этого принципа является и его распространение на «неуличные» формы общественной активности. Когда ворвавшиеся в офис ФБК жандармы предъявили его сотрудникам претензии за «несогласованную интернет-трансляцию» – это не очередной курьез. Это дальнейшее развитие общей политики государства, направленной на затыкание рта гражданам.

Законодательство надо менять. В законодательстве должен быть заложен механизм, не позволяющий властям необоснованно, фактически произвольно отказывать в согласовании публичных акций. Но самым надежным таким механизмом является возможность публично выразить свое отношение к общественно-политическим проблемам без предварительного разрешения.

Власти только тогда потеряют интерес к необоснованным отказам в согласовании, когда они будут знать: акция состоится и без их согласования. Пусть в другом, облегченном формате. Пусть без сцены, звукоусиления и перекрытия движения транспорта. Но состоится, и о ней без согласования напишут и ее без согласования покажут по интернет-трансляции. И в законодательстве должно быть закреплено: нельзя задерживать человека только за участие в несогласованной публичной акции. Если он при этом не совершает действий, являющихся правонарушением независимо от его участия в публичной акции.

Вот об этом и надо говорить. Говорить о недопустимости задержания людей только за то, что они стоят на тротуаре и что-то этим выражают. А не призывать их не обижаться на полицию. Либо ты на стороне тех, кто хватает людей за стояние на тротуаре, либо на стороне тех, кого хватают за стояние на тротуаре.

grani.ru, 03.04.2017

ПРОШУ НЕ ВЫРАЖАТЬСЯ

Алексей Навальный вывесил видео, как полиция в метро требует от молодого человека содрать с его сумки наклейку со словом «Навальный», потому что, мол, на нее «разрешение надо». Написал, что это очередное скотское перерождение государственной машины и что это «охренеть». А я вот уже давно не охренаю. Во всяком случае, после того как полиция хватала за ношение по улице белых шариков с надписью «Меня надули» и белых ленточек. За совместное раскрытие зонтиков в знак поддержки телеканала «Дождь».

Случившееся – совершенно закономерное и логичное развитие полицейской трактовки нашего законодательства о проведении публичных акций общественно-политического характера. Я уже многократно обращал внимание на то, что законодательная регламентация проведения публичных акций через процедуру подачи уведомления и его согласования в нормальных странах направлена на минимизацию помех проходу граждан, каковые помехи создает любая массовая акция. У нас же регламентирующее проведение акций законодательство преследует совершенно другую цель: не дать гражданам возможности публично демонстрировать свою общественно-политическую позицию без специального на то разрешения.

Помехи другим гражданам интересуют наше полицейское государство в последнюю очередь. А в первую очередь его интересует, есть ли признаки «публичного выражения гражданином его отношения к актуальным общественно-политическим проблемам». Это стандартная (причем наименее косноязычная) формулировка из полицейских рапортов и протоколов о задержаниях на так называемых «несанкционированных мероприятиях».

Какое-то время таковыми признаками признавались либо наличие у гражданина плаката политического содержания, либо скандирование им лозунгов. Последнее полиция особенно любила вписывать в протоколы задержаний. Ведь проверить, действительно ли человек в толпе выкрикивал лозунги, практически невозможно, а выдрессированные суды всегда принимали на веру утверждения полицейских. Но полицейская мысль на этом не остановилась. Она развивалась дальше и вскоре открыла для себя, что если можно хватать человека за скандирование лозунгов без разрешения, то почему бы не задерживать за то, что человек на улице беседует с группой журналистов? Тоже ведь публично выражает свое отношение к актуальным проблемам. Зачем же еще беседуют с журналистами?

Дальше – больше. Полиция додумалась и до того, что признаком «публичного выражения отношения» может быть не только плакат с грамотно написанным лозунгом, но и вообще любой предмет, имеющий общественно-политическую смысловую нагрузку даже ситуативно. Например, в момент политического скандала с телеканалом «Дождь» такую нагрузку ситуативно может иметь зонтик. И если десяток человек на площади по предварительномуговору одновременно раскрывают зонтики без полицейского на то разрешения, то они же явно «выражают» незаконно. Всех в кутузку!

Согласно этой полицейской логике вполне можно посчитать незаконным ношение в публичном месте без разрешения значка, а уж тем более наклейки на сумке. Понятно, что никакому проходу других граждан ни значок, ни наклейка мешать не могут никак, но ведь «выражают»! А главное, наши ныне действующие законы действительно дают возможность так себя интерпретировать. Для этого и придумывались. Так что Навальный столкнулся не с идиотизмом и отсебятиной низовой держиморды, а с целенаправленной многолетней политикой государства в целом.

В основе этой политики не только подсознательный, но вполне панический, липкий страх правящей клики перед любой неподконтрольной общественной активностью. Перед тем, что если оставить хоть какую-то лазейку для такой активности, их рано или поздно сметет. В основе этой политики еще и глубочайшее внутреннее убеждение всей нашей власти – от обитателей Кремля до последнего рядового сотрудника патрульно-постовой службы, – что выражать свои взгляды гражданин может только по их милости – вейшему разрешению.

grani.ru, 06.05.2017

МОЖЕМ ПОВТОРЯТЬ

Сегодня наличие у путинского режима многих черт классического фашизма бесспорно и общепризнанно. Но есть и принципиальные отличия. Путинский режим прямо не запрещает политическую конкуренцию. Свою бесконтрольность и несменяемость правящая группа обеспечивает, манипулируя «политическим рынком», ограничивая допуск на него конкурентов. Ставя их в заведомо проигрышные условия. То есть легальная политическая конкуренция как бы и есть, но несвободная, нечестная и неравноправная. «Политический рынок» как бы и есть, но у монополиста на нем «все схвачено». Это явление и стали с недавних пор описывать быстро ставшим модным выражением «гибридный режим».

Именно задаче ограничения доступа на «политический рынок» служат формальные и неформальные права властей отказывать в согласовании публичных акций по собственному усмотрению или по собственной прихоти согласовывать их в семь утра на городских окраинах. Отбирать не понравившиеся плакаты. Лишать сцены и звукоусиления.

Но чтобы такой механизм регулирования допуска на «политический рынок» был эффективен, должны быть надежно перекрыты любые лазейки для публичного выражения политической позиции без разрешения. Вплоть до разговоров с журналистами на улице и ношения на шее кроссовок. И когда питерская «судья» Медведева при разборе «дела» одного из задержанных 29 апреля у станции метро «Горьковская» заявила, что сам факт не согласованного выхода на улицу с политическими мотивами является нарушением закона, за которое следует задерживать и наказывать, она лишь признала, что ныне действующее законодательство о митингах создавалось именно с этой целью.

Разумеется, в законах так прямо не написано. Есть закон, а есть его интерпретация правоприменяющими органами. И применяться любой закон может очень по-разному. В зависимости от наличия добросовестности, доброй воли и элементарного здравого смысла у того, кто его применяет. Но не зря же пыхтел «взбесившийся принтер». Он для того и труился над многочисленными поправками и дополнениями, чтобы наши законы о митингах можно было интерпретировать и применять именно так. Чтобы можно было считать правонарушением сам факт политически мотивированного выхода из дома. Вот известных активистов и «винят» прямо на выходе из дома. Как говорит человек со склоненным от постоянной лжи лицом – «в рамках закона».

Глава СПЧ Михаил Федотов, пришедший на Тверскую «наблюдать», недоумевает: либо все, кто присутствовал в этом месте в это время, только этим уже нарушали закон, либо людей противозаконно задерживала полиция, потому что ничего, кроме присутствия там, они не совершали. Что называется, проснулся наш очередной ночной сторож прав человека. Вот уже более десяти лет полиция и суды трактуют закон именно так. Людей хватают и осуждают именно за «присутствие».

Можно, конечно, бороться за разумную интерпретацию закона. За интерпретацию в пользу граждан, а не в пользу государства. Можно дойти до Европейского суда и через несколько лет вернуться с решением о том, что «присутствие на несанкционированной публичной акции само по себе не может служить основанием для задержания полицией». Только обвинения в «присутствии с целью выразить свое отношение к общественно-политическим проблемам» полиция почти всегда дополняет обычным враньем. Например, приписывает задержанному плакат, которого не было.

Федотов предлагает бороться с этим с помощью недавно ужесточенного закона об ответственности за фальсификацию доказательств. Но что делать, когда судья находит показания полицейских «непротиворечивыми и заслуживающими доверия», а видеозапись

задержания просто отказывается смотреть как «не имеющую отношения к делу»? Поможет ли нам ужесточение еще какого-нибудь закона?

Каждый, кто имеет опыт отказов в согласовании, задержаний и судов, знает, как глумятся над законом полицейские, судьи и всевозможные «председатели комитетов по беззаконию и нарушению правопорядка». С ухмылкой глумятся. И все это глумление вплоть до предложения проводить митинг на городском кладбище, все это полицейско-судейское вранье не является отклонением от нормы, то есть злоупотреблением. Это системный принцип существующего в РФ общественного и государственного строя. Необходимый элемент механизма ограничения доступа на «политический рынок» конкурентов правящей группы.

Бороться за справедливую интерпретацию действующего законодательства о публичных акциях – это все равно что бороться за правильное применение 282-й статьи о разжигании. С таким же успехом в советскую эпоху можно было бороться за разумное и честное правоприменение уголовной статьи об антисоветской пропаганде. Нет, можно, конечно, добиваться уточнения и конкретизации существующего закона. Требовать четко прописать в нем, что вот стоять в толпе с плакатом формата А3 без согласования нельзя, а с плакатом формата А4 – уже можно. Но есть путь более естественный. Это отказ играть в наперстки с жуликами и подлецами.

Можно просто сказать: окей! Вы хотите трактовать закон так. Ладно, забирайте его себе. Пусть это будет ваш закон. Трактуйте его как хотите. Мы не будем спорить с вами о трактовке вашего закона. Нам он не нужен. Мы просто не будем ему подчиняться. Мы будем его нарушать, пока вы его не отмените. Кстати, такой подход сразу снимает вопрос, какова цель несанкционированных митингов. Их цель – демонстративное нарушение закона о митингах.

Насколько эта тактика может привести к успеху? К слому общественного и государственного строя, основанного на искусственном и нечестном ограничении доступа на политический рынок конкурентов правящей группы? А вот это уже зависит от силы протестного движения. До недавнего времени несанкционированные акции в основном оставались делом небольшой группы оппозиционных активистов от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Несколько раз на улицы вопреки запретам выходили тысячи и даже десятки тысяч. Но это были разовые выплески протеста, спровоцированные какими-то особо задевшими людей событиями. В таких выплесках протестное движение расходовало весь запас своей энергии на много месяцев вперед. И отползло назадализывая полученные от столкновения с карательной машиной раны.

Так что власть вполне могла себе позволить морально-политические издережки от сотен задержанных и административно осужденных без тени правовых приличий, а также от сильнейших перегрузок судебно-полицейского аппарата. Массовый несанкционированный выход на улицы Москвы и Петербурга 12 июня показал, что у протестного движения появился достаточно многочисленный контингент, который не только способен на разовом порыве выйти под дубинки, автозаки и специприемники, но легко «может повторить» это всего через полтора месяца. А значит, вполне вероятно, «сможет повторять».

И вот это меняет ситуацию. Лидеры протеста против фальсификации выборов 2011 года пытались использовать угрозу массового несанкционированного выхода на улицу для того, чтобы выбивать у властей более достойные условия проведения санкционированных шествий. Но власти довольно быстро почувствовали, что за этой угрозой не стояла реальная решимость большинства участников протеста «выходить под дубинки». Сегодня несанкционированные акции могут стать действенным средством политической борьбы. Реальным ресурсом давления на власть, принуждения ее к уступкам. Эй, кто там в 2012 году хотел «влиять на власть»?

kasparov.ru, 14.06.2017

ПЕТЕРБУРГСКИЙ БЕСПРЕДЕЛ

Петербург под впечатлением беспрецедентного, серийного, конвейерного беспредела со стороны властей. Причем не столько во время «винтилова» 12 июня («винтили» как обычно – такое Питер видел неоднократно), сколько после.

Необоснованное задержание на длительный срок (48 часов), оставление задержанных без воды, горячей пищи, мест для сна, постельных принадлежностей, плохие санитарные условия, на что справедливо обращает внимание питерский омбудсмен Шишлов, – все это тоже новость разве что для него. Уже лет десять после каждого массового «винтилова» задержанных стараются держать в «обезьянниках» до предела, допускаемого по статье КоАП. Если статья предполагает в качестве наказания административный арест, можно предварительно задерживать на срок до 48 часов. Вот и держат до упора, хотя теоретически имеют право выгнать сразу под расписку об обязательстве явиться в суд по повестке. Это стандартный прием давления и запугивания.

Ну а что касается еды, места для сна и постели, то в отделах милиции-полиции этого всего отродясь не было. Еду и воду передают с воли. Если дяденьки-мусора добрые и разрешают передать. В тех обезьянниках, в которых есть деревянные полы, спят прямо на них. Где полы бетонные – спят на узеньких лавочках. Если задержанных много – по очереди.

Схема осуждения по очевидно фальшивым рапортам и протоколам тоже была вполне стандартная. И в том, что эти «суды», вопреки многочисленным решениям ЕСПЧ, рассматривают в качестве правонарушения само присутствие на «неразрешенной» акции, тоже ничего нового.

Новым было стремление провести если и не все, то почти все суды над задержанными до истечения предельного срока предварительного задержания. Ничего не переносить, прогнать все дела разом, несмотря на перегрузку судебно-полицейской машины. До этого, когда счет задержанных шел на сотни, большую часть судов переносили на более поздний срок. И потом судили ни шатко, ни валко в разное время. Процесс рассмотрения дел растягивался на месяцы.

Новым было и количество приговоренных к административному аресту. Никогда в спецприемник для административно арестованных за Большим Домом не набивали одновременно до двух сотен «политических». Но самым главным «новшеством» было то, о чем пресс-служба г-на Шишлова упоминает скромно: «в судах нарушалось право на гласность судопроизводства, на судебную защиту, в том числе, на юридическую помощь защитников». Фактически суды были блокированы подразделениями вооруженных карателей, не пускавших в них ни публику, ни прессу, ни адвокатов.

Вот такого у нас действительно еще не было. Судья мог тупо отказываться рассматривать видеозапись задержания как «не имеющую отношения к делу», но процедуру все же соблюдал. А из этого следует очевидный вывод: было дано прямое указание игнорировать элементарные процессуальные формальности. Как минимум на уровне руководства «субъекта федерации». И если г-н Шишлов не заявит открыто и четко об этой очевидности, он не скажет о происшедшем ничего.

А теперь попытаемся разобраться в причинах питерских «новаций». Можно, конечно, предположить, что, отбросив последние правовые приличия, власти решали чисто техническую задачу. Без такого игнорирования судебной процедуры пропустить через карательно-репрессивную машину столько людей за такой срок было технически невозможно. Но нам все равно не уйти от другого неизбежного вывода: беспрецедентная по

масштабам акция устрашения, демонстрация готовности «закатать всех в асфальт», не считаясь уже вообще ни с чем, вызвана паническим страхом.

Хотя протестные настроения в обществе далеко не достигли масштабов рубежа 2011-2012 годов, власти напуганы больше, чем тогда. И напугали их следующие новые явления в протестном движении:

1. Беспрецедентное количество людей, готовых выходить на «запрещенку» без экстраординарного «информационного повода». И 26 марта, и 12 июня повод был более чем обыденный. До этого оппозиция в целом негативно относилась к «несанкционированным акциям» и шла на них лишь в самых крайних случаях.

2. Небольшой временной промежуток между двумя крупными несанкционированными акциями. До этого каждая крупная акция, сопровождавшаяся разгоном, массовыми задержаниями и осуждениями участников, повергала протестное движение в многомечтную депрессию.

3. Изменение возрастного состава участников. В протестное движение включилась заметная часть поколения, «ничего не знавшего кроме Путина». Правящая элита призыва к считать, что ему надежно привиты ценности конформизма, послушания, принятия сложившейся иерархии как данности. А ведь это поколение скоро будет определять облик общества.

И вот здесь я хочу возразить слишком обеспокоенным тем, что это политически неопытное поколение слишком доверчиво к вождям. Слишком хочет найти себе вождя. Нашло себе вождя, который слишком все упрощает. Ориентирует на борьбу со следствиями социального зла, не углубляясь в его причины. Ведь воровство и коррупция во власти – не главное.

Полноте. Путинское поколение выходит на улицы не за вождем. Оно вполне независимо и самодостаточно. Да, Навальный сумел его растормошить, дать «информационный повод» выйти на улицу. Но оно уже переросло Навального. Оно вполне в состоянии понять, что воровство и коррупция во власти – не главное. Его просто тошнит от путинщины со всем ее конформизмом, цинизмом, враньем, поповским мракобесием, «патриотической» долбёжкой мозгов и великодержавными понтами. Оно хотят все это снести. И если глава временного революционного правительства Навальный попытается сохранить путинизм без Путина, оно снесет и Навального. Не пытайтесь вести за собой это поколение. Лучше просто поддержите его.

grani.ru, 16.06.2017

ПОРА БЫ И КРЕСТИК СНЯТЬ

В любой оппозиции авторитарному режиму, действующей в условиях, скажем так, «урезанной политической свободы», всегда есть свои умеренные и радикалы. Они всегда не любят друг друга. Умеренные считают, что радикалы своими чересчур смелыми заявлениями и действиями отпугивают «прогрессивную, здравомыслящую часть правящей элиты, только и мечтающую устроить маленькую «оттепель». И способствуют усилению позиций «бункера», стремящегося «закатать всех в асфальт». Способствуют усилению репрессий. Радикалы, со своей стороны, упрекают умеренных, что те своей половинчатостью, нежеланием называть все вещи своими именами лишь подыгрывают авторитарному режиму, прикрывают его со всеми его мерзостями.

У нас рядовые сторонники тех и других традиционно «поливают» друг друга, не стесняясь в выражениях. Но их лидеры и «знаковые фигуры» все же всегда старались в публичных взаимных упреках не переходить некоторую этическую черту. Эту черту только что перешел Григорий Явлинский, назвавший акцию на Тверской провокационной интриганской выходкой. «Провокационные и интриганские политические выходки, подобные тем, что произошли в Москве 12 июня на Тверской, нами не поддерживаются в том числе и потому, что они провоцируют умыщенное и неоправданное нарушение законов, что у абсолютного большинства людей вызывает отторжение к оппозиции, а в конечном счете ведет к усилению репрессий, как это было, например, после 6 мая 2012 года», - заявил вечный кандидат в президенты от «Яблока».

Заявляя это, когда еще идут неправые суды над задержанными, когда еще сидят на сутках участники акций, брошенные в спецприемники этими неправыми судами, г-н Явлинский решительно становится в один ряд с теми дядями и тетями из образовательных и «правоохранительных» учреждений, которые будут объяснять вышедшим с уток парням и девушкиами, что им запудрили мозги нехорошие провокаторы и интриганы. После этого все слова г-на Явлинского о том, что полицейскими дубинками не решить проблем страны, что протесты – естественная реакция на беззаконие – не стоят и медного гроша в базарный день.

Либо выход на несанкционированную акцию – законная реакция людей на издевательства над ними со стороны властей в процессе согласования акций. Реакция людей, лишенных властями возможности выразить свой протест законно и согласованно. А задержания и осуждения судами только за факт присутствия в определенном месте в определенное время – незаконны. Либо сам факт присутствия на несогласованной акции есть «умышленное и неоправданное нарушение законов», и тогда правы те, кто за это людей хватал, а потом бросал в спецприемники. Правы либо те, либо другие. И ты становишься на сторону либо тех, либо других.

И если ты не становишься на сторону тех, кого были головой об автозаки, держали по 48 часов в обезьянниках и конвойерно отправляли оттуда в спецприемники в порядке «супрещенной судебной процедуры», ты становишься на сторону тех, кто был головой об автозаки, держал по 48 часов в обезьянниках и конвойерно отправлял оттуда в спецприемники в порядке «супрещенной судебной процедуры». И тогда ты тот самый штрайкбрехер Кейси Джонс, которого даже из рая выкинули за то, что он не поддержал забастовку ангелов-хранителей.

Тем, кто пытается возложить равную ответственность на насильника и его жертву, пора бы уже и крестик снять, что ли. Потому что невозможно ликвидировать авторитарный режим, не провоцируя его на усиление репрессий. Любой режим сопротивляется тем, кто хочет его ликвидировать. В меру своей испорченности сопротивляется. Как умеет. Репрессивный режим сопротивляется при помощи усиления репрессий. Это в его природе. Или г-н Явлинский думает, что если подойти к путинскому режиму и вежливо его попросить: «разрешите вас ликвидировать нежно», – он не будет сопротивляться?

Или г-н Явлинский думает, что те, кто вышел 12 июня, осознавая все возможные последствия, вышел защищать свое человеческое достоинство и свободу, когда-нибудь за него проголосуют? Он правда так думает?

grani.ru, 18.06.2017

РАЗРУШИТЬ «ПАКТ О ПОКОРНОСТИ»

(Навальный и воспитание чувств)

«Сейчас власть – Кремль, Путин – как это ни назови, приучают нас к тому, что сам факт участия в выборах «без согласования и предварительного разрешения» является странным, экзотическим, иррациональным действием», – говорится в обращении штаба Навального. Точнее сказать – приучила. Приучила к тому, что без ее предварительного согласования и разрешения нельзя участвовать в выборах. К тому, что без ее предварительного согласования и разрешения нельзя выйти на улицу выразить свою позицию. Нельзя вообще участвовать в общественной жизни. И с этим ничего нельзя сделать.

Вот этот молчаливый «общественный пакт о покорности» – основа основ путинской системы. Время Путина – это время Молчалиных, умеренных и аккуратных. Не надо раскачивать лодку. Не надо раскальвать общество. Не надо подставлять людей под дубинки. Не надо самим нарушать закон, когда требуешь соблюдения закона от власти. Не надо провоцировать власть на репрессии. Не надо провоцировать насильника на насилие. Не надо сопротивляться насильнику. Надо расслабиться и получить удовольствие.

Команда Навального предлагает обществу этот пакт расторгнуть. Предлагает путь гражданского неповиновения. Пытается «создать такую атмосферу в обществе, что оно не пожелает и не сможет принять "выборы" без реальной конкуренции и независимых кандидатов». Не пожелает и не сможет принять издевательские запреты выходить на улицу для выражения своей позиции.

Без формирования такой атмосферы, без массовой готовности не подчиниться жульническим правилам, навязанным узурпировавшими власть бандитами, все заунывные заявления о том, что «только участвуя в выборах, вы можете изменить ситуацию в стране», не стоят и гроша. Потому что как только вы начнете получать голосов больше, чем сам бандит вам отмерял, он ваш выигрыш у вас просто отберет. И вы утруетесь своими вечными тремя процентами, чтобы и дальше призывать повторять вновь и вновь эту игру в наперстки. Потому что ведь нельзя подставлять людей под дубинки. И далее по списку. Реальное участие в выборах – это именно то, что делает команда Навального, а вовсе не призывы при любых условиях «прийти и проголосовать за единственного кандидата европейски ориентированных демократических сил». Ничего не изменится в стране без массовой готовности людей выходить под дубинки.

Глубоко ошибочны утверждения, что Навальный апеллирует только к меркантильному социальному эгоизму, сужая оппозиционную повестку до примитивного «жулики и воры украли наши бабки». Повестка Навального гораздо шире. Она про то, что у тебя украли твой голос гражданина. Что у тебя украли право ходить по улицам твоего города. Что у тебя украли твое человеческое достоинство. Твою свободу. Твою страну.

Навальный апеллирует не к идеологиям и программам. Он апеллирует к чувствам. К чувству справедливости. К чувству солидарности. К чувству гордости человека, который может не подчиниться тем, кто сильнее его. Навальный будит в людях эти чувства. Навальный стремится разрушить молчаливый «общественный пакт о покорности», то есть подрывает важнейшую «скрепу» путинской системы. И это важнее, чем то, что он не говорит пока о парламентской республике. Он пробуждает республиканский дух. Да, придется определяться и с идеологиями, и с программами. Но без этих чувств все идеологии и программы мертвы.

Да, команда Навального стремится поставить все эти чувства на службу продвижения своего кандидата. Но верно и обратное. Поддержка Навального как кандидата работает

на пробуждение этих чувств. Команда Навального работает на политическую поляризацию, которой так боятся наши «умеренные и аккуратные». Они очень не любят делать жесткий выбор. Или ты с мошенниками и насильниками, или ты с теми, кто им противостоит, кто «создает им проблемы». Но сегодня мы видим, как этот выбор делают все новые люди, всегда его избегавшие.

Движение Навального еще далеко не достигло той силы, которая позволила бы разрушить проклятый «пакт о покорности». Но оно предъявило на это серьезную заявку. И если после подавления сегодняшних протестов оно захлебнется, историческую ответственность за очередной упущеный шанс разделят «умеренные и аккуратные», отказавшие сегодня ему в поддержке.

grani.ru, 07.10.2017

ОБ АВТОРЕ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Александр Валерьевич СКОБОВ (род. в Ленинграде в 1957). Учился на историческом факультете ЛГУ.

За изготовление и распространение Самиздата дважды (в 1978 и 1982) арестовывался по ст. 70 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда»). Оба раза после полугода в следственной тюрьме КГБ решением суда принудительно помещался в психбольницу (первый раз освободился в 1981, второй – в 1987).

В *перестройку* участвовал в деятельности Демократического союза, редактировал ряд изданий Ленинградского отделения этой организации, за что в 1988 подвергся обыску по «делу № 64» – последнему делу по ст. 70 в истории СССР, закрытому в 1989 в связи с отменой Съездом народных депутатов этой статьи.

Начиная с 1991, 18 лет проработал учителем истории в школе. Опубликовал несколько учебных пособий по истории России. С начала Первой Чеченской войны – участник антивоенного движения, автор ряда антивоенных статей, обращений и листовок. С ноября 2002 по сентябрь 2003 издавал «Антивоенный вестник» – бюллетень Общественной инициативы «За мир в Чечне и признание права чеченского народа на самоопределение».

В 2005 вступил в партию «Яблоко», поддержав тем самым курс ее Петербургского отделения на сотрудничество с левыми политическими силами. Участвовал в многочисленных общеоппозиционных форумах (в Гражданском конгрессе, в конференциях коалиции «Другая Россия», в Национальной ассамблее). В 2010 исключен из «Яблока» за отказ подчиниться решению партийного съезда о выходе из всех прочих политических структур и организаций. В течение нескольких лет состоял в Петербургском региональном отделении Объединенного демократического движения «Солидарность». В настоящее время – беспартийный.

Автор книг:

История. Российская империя 1894–1917 гг. СПб, «Специальная литература», 1997;

История России (1917–1940). СПб, «Иван Федоров», 2001, тир. 5000 экз.;

Агония. Кремлевская элита перед лицом революции. М., «Алгоритм», 2017.

ИСТОРИЯ РОССИИ ЭТО ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ ЭТО ИСТОРИЯ МИРА

Содержание

С.Д. – От издателя	3
2007	
Согласиться – пропасть	4
2009	
Новогодняя сказка	7
2010	
Бесплощадны к врагам	9
Впечатления	11
Мы растопим этот лед	12
Не служи уродам	14
Почему неправ Познер	14
Реакционерное общество	15
Протест в позе покорности	18
Прелести кнута	19
Дворцовая площадь раздора	21
Не верь, не бойся, не плати	24
2012	
Дубинка народной войны	27
После Ганди поговорить с Невским	28
Собрание подчинений	30
Общество имеет право на жесткий ответ	32
Про шествие времени	33
Два наперстка	35
Выходная работа	37
2017	
Стратегия-17	39
Чего не договаривают Федотовы	40
Прошу не выражаться	41
Можем повторять	43
Петербургский беспредел	45
Пора бы уже и крестик снять	46
Разрушить «пакт о покорности» (Навальный и воспитание чувств)	48
Об авторе	
Биографическая справка	50

*Ассоциацией «Русский Институт в Париже»
в серии «Малый Библиограф» изданы следующие сборники:*

(Начало перечня см. на стр. 2 обложки)

- 2016 – Вып. 13 – «Звезда» вся как она есть
(О полном Библиографическом указателе содержания)
Вып. 14 – Об учебнике истории Александра Скобова
(К 15-летию выхода в свет)
Вып. 15 – Ретроспективы и перспективы «Пражской весны»
Вып. 16 – Новый Иван Щукин
(К большой выставке в Булонском лесу)
2017 – Вып. 17 – Новые разговоры о диссидентах
(К выходу в свет книги Глеба Морева)
Вып. 18 – Группа-73: Илья Корнеев и другие
(Сборник материалов)
Вып. 19 – Петр Великий во Франции
(К выставке в Трианоне)
Вып. 20 – *Александр Скобов. Война миров*
(Сборник статей, 2014–2017)
Вып. 21 – Новый Константин Сомов
(Сборник статей)
Вып. 22 – *Александр Скобов. Смеешь выйти на площадь?..*
(Сборник статей, 2007–2017)
Вып. 23 – Восемьдесят лет Дэвиду Хокни
(К ретроспективе в Центре Помпиду)

* * *

Заказы направлять по адресу:

Institut Russe de Paris
c/o Serge Dedeline – 55, av. d'Ivry, 75013 Paris, France
(e-mail: inrusseparis@yahoo.fr)

*Изатель выражает надежду,
что заинтересованные лица – участники событий и коллеги-исследователи –
не замедлят присыпать авторам и составителям наших сборников
свои замечания и поправки*

Выпуск 20 в серии «Малый Библиограф»:

Александр Скобов

Смеешь выйти на площадь?..

Сборник статей (2007–2017)

Изатель С.Д. / Éditeur S.D.

(e-mail: inrusseparis@yahoo.fr)

Издание Ассоциации «Русский Институт в Париже» / © Institut Russe de Paris, 2017
Верстка 3F SARL (e-mail: fffanya@free.fr)

**Prix
20 euros**